

ЛитРес:

АНДРЕЙ БУЛЫЧЕВ

СОТНИК ИЗ БУДУЩЕГО

ТЁМНОЕ ВРЕМЯ



Сотник из будущего

Андрей Булычев

Сотник из будущего. Тёмное время

«Автор»

2022

Булычев А.

Сотник из будущего. Тёмное время / А. Булычев — «Автор»,
2022 — (Сотник из будущего)

Шёл второй год великого голода и страшного мора, вызванного затяжным ненастьем, накрывшим всю Северную Русь. Городскую общину Великого Новгорода сотрясают бунты, кровавые внутренние конфликты и ссоры, как среди именитых людей, так и между его низами, простой городской чадью. Князь Ярослав изгнан с престола, а вся власть находится в руках временщиков бояр, погрязших в интригах. Многочисленные враги никогда не упустят возможности отрезать кус русской земли у её ослабевшего хозяина. Шесть лет прошло как Юрьев пал к ногам крестоносцев, а теперь и Псков под немцами. Найдётся ли сила, которая остановит их и спасёт людей от голодной смерти?

Содержание

Часть I. После большого похода	5
Глава 1. А меня здесь очень не любят!	5
Глава 2. Советы	12
Глава 3. Город в огне	21
Глава 4. Дела хозяйские	28
Глава 5. В Булгарию	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Андрей Булычев

Сотник из будущего. Тёмное время

Часть I. После большого похода

Глава 1. А меня здесь очень не любят!

Как бы ни хотелось Андрею пройти мимо Новгорода без остановки, а все же не проскочить его речному каравану незаметно. Да и как не отдать дань уважения нынешней городской власти? И от княжеской верхушки с уходом Михаила Черниговского кто-нибудь, а все равно здесь непременно должен был быть. Как говорится – свято место пусто не бывает.

Вот уже третья неделя, как караван бригады, возвращаясь из дальнего похода в Эстляндию, шел по северному речному пути. Позади были Вотский залив Балтики, Нева и Ладога, а до стольного города уже было меньше суток спокойного хода. Проплывающие по обоим берегам Волхова картины Водской пятины глаз не радовали. Всегда такие полно людные деревеньки и хутора выглядели сейчас как после большого вражеского нашествия. Всюду теперь царило столь непривычное для этих обжитых мест запустение. Крайняя неухоженность была видна буквально во всем. Пустые селища открывались черными остовами от сгоревших изб, поваленными заборами да разметанными соломенными крышами. Поля вокруг них засеяны не были. Все продухи и двери у брошенных жилищ – нарасхлебьянь, ни человека, ни скотины. Одно лишь черное воронье и тишина.

– Плохо-то как! – качали головой пожившие уже свое вои. – Вона все побросали хозяева, похоже, что в Новгород али даже на Ладогу отсель они подались. А чего, есть-то ведь людям что-нить нужно? А тут вона что, ажно всю кору вокруг своих селищ на деревьях объели! Худо, ээх худо как! Семья-то в землю об этом годе и вовсе даже не легло, небось и не было у селян того самого семени! И чего теперь только весь наш люд делати будут? А лето-то какое нонче стоит доброе, не лето, а просто сказка. Жаркое. Ветров совсем мало, а дожжик ежели и идет, то так, только изредка, да и то, он словно бы парное молоко после дойки – тепленький. Вот бы земля уродила ржи с овсами, да ячменя еще, знай себе не ленись, жни и все в снопы собирай. Так нет же, нечего ведь было сажать нонче людям. Все, что и было у них, давно уже за зиму подобрали, из амбаров до малого зернышка подвымели. Ох и худо, братцы!

Ночевали за Захарьино. Разложили костры на опушке сосняка возле большого ручья и поставили распаривать в котлах дробленый ячмень. Зерно это капризное, и время на его готовку нужно было тратить много, ну да ничего, спешить-то пока все равно было некуда. Добавили в крупяной вар из больших кругов топленого сала, закинули ароматной травки и лука, а потом все это немного подсолили. На свежем-то воздухе ох и скусная эта еда!

– Иванович, там ребятки с тайного дозора из кустов на опушке соглядельщиков вытащили, сейчас их к тебе подведут, – доложился Варун. – Тихонько они там сидели, хорошо эдак скрылись, видать, что из местных. Знали, как чужому человеку глаз от себя отвести. Однако и наши уже наострились, опыта-то у них вона сколько, годами да по самым разным лесам ужом ползать.

Перед Сотником стояли трое худых и испуганных мужиков. На одном из них был рванный зипун, а двое остальных были в холщовых рубахах и в драных портах. Стоя в кругу оружных воинов, они с опаской озирались по сторонам.

– Вот, господин подполковник, у них это все отобрали. Тот, что в зипуне, отдавать свое миром не хотел, топориком даже успел на меня замахнуться, – доложился Лютень и положил

на землю плотницкий топор, большой ржавый нож да пару копий с самодельными широкими, продолговатыми наконечниками.

– Из разбойных, что ли? – нахмурившись, спросил Андрей, внимательно оглядывая мужиков.

– Чего сопите, а ну отвечайте, когда вас добром спрашивают?! Пока добром, – подчеркнул Варун и, вынув кинжал, несколькими ударами заострил небольшой колышек.

– Не разбойные мы, а чай уж, на своей-то земле тут нонче стоим, на нашей, Захарьинской! – скрипучим голосом пробурчал тот, что был в зипуне, и как видно, самый старший из всей этой троицы. – И неча нас здесь пугать, дядя, пуганые мы ужо, бояться всего устали!

– Ну а коли ваша это земля, а вы на ней хозяева, и ежели не боитесь ничего, так прятались-то почто от нас и чего выглядывали из лесных кустов тайно? – задал им резонный вопрос Сотник. – Вышли бы к нам по-людски, так мы бы вас еще и одарили как тутошних хозяев, по обычаю, из вежества, и за то, что заливной покос вам здесь помяли. Звать-то вас как? Хозяева...

– Время ноне злое, воевода, – немного помолчав, ответил за всех старший. – У кого силы больше – тот, значит, сейчас и прав. Не до вопроса нам, жизнь бы только сохранить, свою да своих близких. Завидом меня кличут, а это Незнанко и Тешень, вот так, стало быть.

– Голодные, небось? Давно уже не ели? – Андрей отметил, с каким жадным интересом мужики глядели на парящие над кострами котлы.

– Да, а кто же нонче сытый-то, воевода? Это если только у дружинных живот к хребту не липнет. Все же остальные давно с голодом в обнимку спать ложатся. А многие так уже и вовсе и не проснутся никогда. В эту зиму более половины селища схоронили, и как дальше выживать, того и вовсе мы не ведаем.

Был тайный упрек в словах этого крестьянина. Понимал Андрей, что нет его вины в постигшем Северную Русь природном бедствии, однако все одно было ему сейчас очень неуютно под взглядами этих голодных и грязных мужиков. Как будто бы сам лично не уберег он их вместе с семьями. И, тяжело вздохнув, Сотник махнул рукой:

– Проходите к нашим кострам, православные, покормят вас там дружинные, обогреют, а потом и с собой для ваших семей снеди дадут. Проводишь их к своей сотне, Лютень? – кивнул он командиру дозорного десятка. – И оружие свое ржавое пускай тоже с собой забирают. Потом, как они уже до дома соберутся, ты их к Лавру Буриславовичу перед самым уходом подведи. Лавруш, выдели ты им по мешку пшеницы с тех трех ладей, что мы к себе сейчас тянем. Чай уж не обеднеем с тех восьми ну или девяти пудов?

– Да нет, чего уж там, не жалко для страдальцев, конечно, отсыплем, – кивнул заместитель Сотника по тылу. – Лишь бы донести их смогли, вон ведь как исхудали, одни кости с кожей на телесах остались.

– Эти донесут, – покачал хмуро головой командир. – Их там дома близкие ждут. Только надолго ли вот им этой пшеницы хватит? Впереди ведь еще такие же два черных, худых года.

* * *

Новгород открылся длинными, вытянутыми по берегам реки посадами. Зиял он проплешинами от выгоревших изб, покосившимися и поваленными заборами дворов да порушенными усадьбами. Караван прошел мимо Готского двора, Ярославского дворища и Торга с тянувшимися по обеим сторонам реки вереницами пристаней. Раньше тут и протолкнуться-то было негде, все сплошь заставлялось ладьями, лодками и всевозможными суденышками. На этот же раз пристани пустовали, только у Готского двора шла погрузка на два широких судна да на княжьей пристани стояли под охраной двух десятках воев три боевые узкие ладьи.

– Эй, Андреевские, чаво вы сюды-то не пристаёте? Все бы вам под мостом надобно шлындать! Работу честному люду мешаёте делать! – Мужик в грязной и рваной рубахе и в таких же истрепанных портах, со включенной бородой вбил топор в мостовую опору и свесился вниз, внимательно разглядывая проплывающие под ним суда.

– Видать, как вы здесь работаете! Цельный год уже миновал, как вот энтот мост починить не можете! Как туды, на Колывань, мы по большой воде шли, так и обратно к концу лета вот уже возвращаемся, а вы все с тем же, что и ранее, возитесь. Работнички, чтоб вас! – выкрикнул главный ладейщик бригады Боян Феррапонтович и чуть подправил рулевое весло у кормчего. – Левее, левее бери тут, Еремка! Не видишь, что ли? У них тут свая старая во-он там, на чуток из воды торчит. Зевнешь – и вмиг ей борт судна пропорешь!

– С такой-то едой и еще три раза по столько же его ладить мы будем! Мост-то энтот Великий, через сам Волхов-батюшку перекинут, а не через какой-нибудь там грязный Олений ручей! – пробурчал сосед говорливого плотника и начал забивать большую кованую скобу в балку.

Пятнадцать ладей бригады прошли под Великим мостом и четырьмя верстами ниже пристали к небольшому причалу у Рюрикова городища. Именно на этой возвышенности и была в свое время построена крепость этого былинного князя. Сейчас же тут возвышалась Благовещенская церковь, виднелись торговые склады, стояло несколько крепких и пока не порушенных чернью усадеб зажиточных купцов, а возле самой пристани была раскинута большая поляна. Городище Сотник выбрал совсем не случайно. Оно более всего подходило для того, чтобы остановиться в нынешнем мятежном и беспокойном городе. Место это было возвышенное, со всех сторон его окружала вода, и располагалось оно как бы на большом острове. Оборонять такое было гораздо удобнее, чем обычное и открытое место в самом городе. Видать, оттого здесь и не было того разорения, которое все наблюдали, проходя мимо городских посадов и улиц. Порядок тут был. На пристани стояли три хозяйские ладьи, а по их крепким дубовым бревнам прохаживались вои в остроконечных шлемах с копьями.

– Кто такие? Чаво вам тут нужно?! Кто вас сюда звал?! – здоровенный десятник, широко расставив ноги, глядел из-под ладони на переднюю ладью, а за ним уже выстраивался со щитами весь его десяток.

– Свои, Томила, свои! Я звал! Андреевские назад возвращаются, не признал, что ли, ты их дружину? – на причальный помост заскочил Путята. – Сюды давай правьте, сюды, Боян Феррапонтович! Судов на пристани нынче совсем мало, так что всем вам здесь места хватит!

– Ну, здорова, медведь! – И выскочившие первыми на бревна помоста Тимофей с Варуном крепко обнялись со своим старым другом.

– Строго у вас здесь, как я погляжу, не забалуешь! – спрыгнувший следом Андрей кивнул на сошедший с причального помоста десяток стражников.

– Да потому-то, наверное, и живы мы до сих пор, – вздохнул купец. – Раз пять уже набегали к нам разбойники с города. Вот только две недели назад насили мы от них отбились. Клещевские это были, совсем они уже всякий страх потеряли, ничего теперь не боятся! Даже уже днем, при свете, в открытую на своих лодках переправились к нам с Людиного конца. Управы на них совсем уже нынче нет. Новая городская власть ссориться с разбойниками не желает, а может, и специально их покрывает или даже и вовсе в доле состоит. Так что только вот так, словно бы в осаде и прожить-то теперяча можно. К нам сюда много уже крепких людей из города перебрались. Твой зятек Артем во главе сборной большой сотни тоже ведь здесь и как бы за воеводу у нас. Владыку же выгнали, а его люди кто куда потом разбрелись. С полсотни Арсеньевских воинов сюда к нам со своими семьями пристали. Теперь вот, с вашим приходом, нам совсем уже хорошо будет. Никто сюда не посмеет сунуться. Надолго ли вы, Андрей? – и он пылливо посмотрел на друга.

Сотник только лишь пожал плечами:

– Да как знать, Путят, как там у нас сложится с местной городской головой? Князя-то в городе сейчас нет. Михаил Всеволодович, он хоть, конечно, и не Ярослав, а все же воинского духа человек. Не то что все эти нынешние люди, кто сейчас от его имени правит! – И обернувшись, он махнул рукой своему заместителю по тыловой части: – Буриславович, вот прямо тут, на этой пристанской поляне, наших людей размещайте. Погода пока добрая стоит, ну вот и нечего нам за частоколы в усадьбы лезть, и тут у реки всем хорошо будет! Филат Савельевич, Тимоха, – кивнул он друзьям, – караулы расставляйте, как в боевом походе, сами своими ушами вы слышали, что нам здесь Путятя рассказывал.

– Все перекроем, Иванович, не беспокойся! – заверил его первый заместитель. – И сторожу, и секреты, как надо, расставим. И пластунам я скажу, чтобы они по берегам Волхова хорошо эдак пробежались.

– Ну, пошли уже ко мне, – потянул комбрига за руку Строков. – Посидим там рядом да поговорим ладком. Тихонько, так, чтобы чужие уши нас не слышали. Много у меня для вас интересного из новостей будет, братцы. Да и вы, может, расскажете мне тоже чего-нибудь? Хотя все вести про вас уже быстрее вон ваших ладей сюда долетели.

– ...ну а потом, как мы Нарвскую крепость сожгли со всеми тамошними душегубцами, что там наших раненых и плененных замучили, оставили мы в ней свою сотню под командой Захара Игнатьевича. Еще три сотни псковских ополченцев и вирумцев из желающих к ним добавилось. А мы, разделившись, уже потом к себе речным караваном двинулись, – рассказывал в горнице купеческой усадьбы Сотник. – Василь со всей конницей через Копорье, Лугу и Старую Руссу сухим путем на Полометь ушел. А мы, стало быть, со всеми остальными по ладейному, северному пути плыли. По пути в Орешек заглянули, на Ладоге с посадником повидались, там же и с ушкуйниками Радяты попрощались. И вот теперь, видишь, уже здесь, у тебя на Рюриковом подворье сидим. Так бы и дальше без задержки полетели, видит Бог, не хочу я никого из новых властей зреть, но вот никак мне от этого не отмахнуться. Пойду завтра в Новгород кланяться. Глядишь, повезет, не станут там меня донимать и быстро от себя отпустят. Зачем им такая боевитая дружина под боком, что была прежнему князю верна? Не дураки там уж, чай, небось, знают, какой у нас настрой и что мы про все вот это нынешнее безобразии думаем!

– Долго-то, конечно, вас не задержат, а вот ободрать как липку вполне даже могут, – глубокомысленно проговорил Строков. – Уж я-то Внезда Водовика и Бориску Негочевича очень хорошо знаю! Эти и за векшу удавятся, а за ногату так и всех вокруг себя удавят. Да и Прибыслав с Нежданом, что при малолетнем княжиче князем Михаилом оставлены, сам ведь знаешь, – те еще матерые хитрые лисы. Большой воинской силы у них сейчас нет, дружинные полки в Чернигов ушли, а под воеводой Ростиславом Игоревичем едва ли пять сотен рати будет. Да и воевода этот – он муж серьезный, не чета боярам. Никуда окромя службы он не лезет, но согласись, ежели ему на врага укажут, так он на него и пойдет. Тут вот нам за другое опасаться нужно: новая городская голова весьма ловко всеми людьми хороводит. В эту зиму чьи в первую очередь дворы да усадьбы сгорели али распаленной толпой были порушены? Правильно, людей из прежней власти. Всех тех, кто поддерживал Ярослава, посадника Иванку Дмитриевича, да тысяцкого Вячеслава и всей их просуздальской линии. Все разорили у них, а кто не сбег от толпы, тех и вовсе растерзали. Потом-то, конечно, и остальные под руку попали, но вот первыми были эти. Так что тут более всего чернь нужно опасаться, чем самих чужих воев. Народ ноне совсем озверевший, ничего не боится, а голодом и лишениями он до самой крайности доведен. Работы сейчас почти нет, денег и пищи тоже, все только и рыщут да глядят, где бы чего и у кого им урвать! А среди них особые людишки крутятся да всех подзуживают – вон там плохие люди живут и у них амбары с зерном полные, а нынешнюю власть они не уважают, и потому за них никто не вступится, так что идите и забирайте у них все! А толпе много ли надо? Главное, взвинтить ее хорошо да и направить потом куда нужно. Вот так сейчас это

работает у нас здесь. У меня самого загородную усадьбу разорили. Если бы сюда, на Рюриково городище, не успели перебежать, так и не увиделись бы мы с тобой.

– Даа, весело тут у вас, – почесал голову Сотник. – До чего же народ довели! Сколько лет потом нужно будет восполнять все то, что сейчас так быстро рушится. Людей своих теряем, ремесла гибнут, сама сила уходит из этих мест, а соседи, они, чай, только и рады этому – приходи на Русь да забирай все под себя, пока она слабая! Ну ладно, мы-то в любом случае к себе скоро рекой уйдем, а вы-то как? Как дальше здесь жить будете?

– Да ничего, бать, небось, отобье-емся всем миром! – пробасил Артем. – У меня здесь сотня и еще три десятка воев под рукой. Да и из городищенских по сигналу рога еще пара оружных сотен быстро собирается. Супротив толпы должны мы выстоять, у них ведь нет такого порядка. Оружия мало хорошего. Как только они силу почувют и то, что их здесь никто не боится, то поорут, погрозятся да и в другое место потом уходят. Проверили уж, как же! Совались ведь сюда несколько раз, а один раз даже и до большой крови дошло. Во все же остальные разы находники так сразу врассыпную разбегаются. Это вот с Клещевскими, с теми даа, тут даже и поратиться нам пришлось. Несколько человек мы потеряли тогда с их набега.

– Что, неужели настолько сильная кодла стала? – удивленно переспросил Андрей. – У Митяя с его друзьями была с ними этой зимой стычка, но там и другая ватага свою свару вела, а наши как бы только краем в нее встряли.

– Да кодлой Клещевских, как раньше-то, уже, наверное, не назвать, – покачал головой Путята. – Весь Людин конец они под себя забрали, Загородский у местных ватаг тоже почти весь отбили. Поговаривают, что недавно Клещ похвалялся, что он еще и Неревский под себя заберет, и тогда вся левая сторона города под его властью будет. Костяк его своры из старых душегубцев и татей состоит, из тех, что ранее на Торгу и на постоянных дворах промышляли. Сам он в свое время, как поговаривают, на дороге с кистенем начинал лиходеить, а уже потом и в наш город перебрался. Как только лихие года начались, так вся эта плесень быстро разрослась, а кто-то ее, видать, и специально взращивал для обдελывания своих темных делишек. Но теперь с ней уже всем здесь в городе приходится считаться. Много силы нынче у Клещевской своры. Оружия и брони они себе добыли. Людей у них тоже в избытке. Для своих-то у них всегда ведь есть пища. Кого им бояться? Слабую дружинку княжича или малую сотню посадника?

– Ндаа, до чего мы тут дошли, – покачал головой Сотник. – Лиходеи нынче на земле новгородской заправляют! Значит, говоришь, уверен Клещ в своих силах? Почти всю левую сторону он под собой держит и даже на правый берег к вам набегал, а нынешняя власть с ним считается и грязные дела даже ведет? Интересно! – Андрей прищурился и обвел глазами сидящих за общим столом ветеранов. – Варун Фотич, а отправь-ка ты наших пластунов в город. Пусть они оденутся попроще и погрязнее да и пробегутся по нашим старым знакомцам. У нас же много в бригаде тех, кто отсюда сам родом. Только чтобы осторожнее все и с хорошей оглядкой. Никуда пусть сами они пока не лезут и не встречаются. Вот встречусь я с новыми властями, а там уже и видно будет, что нам нужно делать.

* * *

– Здрав будь, Ростислав Михайлович, кланяюсь я тебе как воевода твоего славного отца, под чьим началом мы разбили под крепостью Нарвой сильное Ливонское войско. – Сотник, не доходя десяти шагов, как и предписывал придворный этикет, в пояс поклонился сидящему на резном кресле подростку.

По бокам от княжича стояли два уже знакомых Андрею черниговских боярина – Прибыслав и Неждан – и что-то нашептывали ему в уши. Мальчишка же хмурился, старательно делал серьезное, суровое лицо и надувал важно щеки. Наконец он тряхнул головой и звонко выкрикнул:

– Здрав будь, служилый боярин новгородской земли Андрей, сын Ивана! Знаю я о службе твоей в дружине у моего отца, только сейчас я сам на княжение в Господин Великий Новгород им поставлен, а потому передо мной лично ты свой ответ теперича держать будешь!

«О как лихо! – подумал про себя Сотник. – Вот тебе и указали первые княжьи бояре через уста подростка свое место во всей этой местной иерархии – служивый, да еще и с земли новгородской, а это вполне может, что с какого-нибудь дальнего, неважного и захудалого ее конца. И что теперь после своей недавней походной службы ты всецело подчиняешься нынешней верховной власти в лице ее князя Ростислава, ну и, разумеется, его ближних дворовых бояр».

– Как скажешь, княжич, – не отказал себе в удовольствии чуть уколоть своих собеседников Андрей, специально приуменьшив титул собеседника. – Рад буду ответить сыну князя-воеводы, который отстоял рубежи земель новгородских от врага. Батюшка ваш наказывал мне поддержать его сына, коего он на свой престол ставил, а еще даровал он мне два года отдыха в своем поместье. Ибо по его указанию мы дальше ратный поход свой продолжили, после того как князь со своим войском в русские земли вернуться возжелал. С его же того личного повеления мы ныне и убываем на отдых в мою дальнюю вотчину. Вы же не против воли отца по моему войску? Я вас правильно понял, Ростислав Михайлович?

Мальчишка замер, как видно, пытаясь понять всю подоплеку вопроса воеводы. Бояре тоже надулись и не спешили помочь княжичу, стараясь распутать весь этот словесный клубок и найти, за что же им тут можно было зацепиться.

А ведь не придерешься! Михаил, сажая на княжение в Новгороде своего сына, давал этому городу присягу, оставлял этот княжий престол за собой. Андрея же он призывал в недавний поход самолично, фактически не снимая с него своей власти и после его окончания. И последнюю его волю о жаловании войску двух лет на отдых и о приведении его в порядок после кровопролитных боев княжич отменить, пока что был не в силах. Ну да ничего, они еще придумают, как указать место этому самонадеянному служивому боярину, вылезшему наверх из вчерашних дружинников!

Ростислав, выслушав своих бояр, кивнул и подвел итог разговору:

– Воля отца, князя Михаила, в том, чтобы в порядке все новгородские дела были! А какая поддержка ему нужна будет, о том он доведет до боярина позже, по прошествии предоставленных ему двух лет отдыха. Но до убытия в свою вотчину надлежит боярину Андрею быть на Большом Господнем совете, который будет проходить через два дня на третий прямо здесь же. Более служилого боярина земли новгородской он не задерживает. – И княжич демонстративно отвернулся к Прибыславу.

Андрей поклонился и вышел из приемной залы терема. «Уф, а меня здесь очень не любят! Ну да ладно, все равно этот раунд был точно за мной», – подумал он и зашагал к пристани, где его ждала ладья.

– Ну как там тебя в хоромах приняли, Иванович, похвалил хоть княжич за прикрытый нами западный рубеж? – спросил Варун, поглядывая с интересом на Сотника. Шли они от княжьего подворья к пристани во главе целой охранной сотни, ибо время нынче было неспокойное и стоило хорошо побережся.

– Ага, еще как похвалил, – усмехнулся Андрей. – Вон, на спину глянь, в мешок той похвалы ссыпали, видишь у меня мешок?

– Неа, – покачал головой заместитель Сотника.

– Ну вот и я нет. Не видел я там государевых людей, Фотич, тех, кто о своей земле печется, – горько вздохнул комбриг. – Все бы им козни строить да паутину интриг плести. Поглядим, что через два дня на Господнем совете будет. Найдутся ли там мудрые люди, которые поймут, как можно с толком для Руси использовать все то, что мы недавно отвоевали своей булатной сталью?

У тебя-то как самого дела? Ребятки в город вышли? Начали сбор сведений, представляющих для нас интерес?

– Да спозаранку еще, Иванович, с полсотни их туда проскользнули. Всех я самолично проверил, чтобы они от местного люда не отличались, и наказал, как им себя вести нужно, – доложил начальник бригадной разведки. – Только тут еще такое дело, Митяй со всей своей пятеркой тоже на выход просится, говорит, что у них там хорошие знакомцы из противников Клеща есть. Просятся отпустить их в город, чтобы найти тех знакомцев да серьезно с ними потолковать.

– Митяй?! Ну уж нет! Куда пацанву толкать! – замотал головой Андрей. – В такое время и заматеревших-то одним махом разорвут, а этим щеглам много ли там надо? Да одной только лишь ватажки за глаза!

– Вот и я о том же! – согласно закивал головой Варун. – А они же ведь парни настырные, все лезут и просятся. К командиру бригады, говорят, пойдем! Мы, дескать, не мальчишки вам, господин поручик, а самые обычные строевые бойцы, уже выпустившиеся из воинской школы и к тому же могущие помочь тут всему общему делу!

– Ну а ты им что? – спросил друга Андрей, поднимаясь по сходням на ладью.

– Ну что, что, прогнал я, конечно, этих умников, – усмехнулся ветеран. – Только они ведь и к тебе тоже теперича пойдут, не зря ведь меня предупредили.

– Вот как придут, так и уйдут! – проворчал Сотник и кивнул кормчему: – Отчаливай, Фроуд!

Вахтенные отдали концы, оттолкнулись баграми от причала, и Треска, навалившись на рулевое весло, вывел ладью на течение реки.

Глава 2. Советы

– Господин подполковник, так мы ведь уже вели бой с клещевскими в городе этой зимой. Почти что из самого их логова полу замерзших детишек выносили, – не отступал от своего Митяй. – И знакомцы у нас из противников этих разбойников там есть, те, которые все, что в городе сейчас творится, знают, а уж про эту ватагу так и вовсе никто лучше их там не осведомлен. Да и людей у них тоже ведь своих немало. Вон хоть у Марата спросите или у кого любого другого, – кивнул он на стоявших рядом с ним друзей. – Сколько у Журавля тогда было народу, братцы?

– Да около пяти десятков, это уж точно было! – загомонили все остальные из пятерки. – А может, даже и поболее того! Там ведь только те, кто тогда под рукой у старшего оказался, на встречу с клещевскими выбежали, а кроме этого, у него ведь и еще люди были!

– А может, и правда отправить их в город, только не одних, конечно, а в пристежке с пластунами? – задумчиво изрек сидевший за столом со схемой города начальник штаба.

– Ты же сам, Савельич, только что вот говорил, что рисковать молодыми ни в коем случае не стоит? – обернулся к нему Сотник. – Чего же так резко-то вдруг переменялся?

Начальник штаба бригады задумчиво посмотрел на закопченную потолочную балку, почесал седую бороду и, вздохнув, ответил:

– Ну вот, скажем, визнаем мы, где этого Клеца нам лучше будет прижучить. Окружим мы его своими пятью, шестью воинскими сотнями в логове да потом и вырежем их там всех. И как потом вот это все будет выглядеть для самых простых горожан? А вернее, как это повернуть смогут все те, кто сейчас во главе Господина Великого Новгорода встал? Сам же вот только недавно сказывал ты, Иванович, что много у нас там недоброжелателей в самых его верхах собралось. Указания от князя или от городского головы у нас, дабы сечь здесь разбойников, нет. И действовать мы, выходит, что, по своей личной прихоти тут будем? А скажут про нас как? Дескать, андреевские мирный люд новгородский бьют, кровью его весь город заливают, а еще и разбой со стяжательством нам же заодно здесь припишут! Что ты, сам не знаешь всех этих брехунов? Так бригаду нашу хулою покроют, что не в жизни потом от нее не отмоешься. А народ-то всему ведь поверит, неужто он разбираться станет, что мы добро здесь творим и что его от разбойников-душегубцев освобождаем. «Наших бьют!» – орать они будут! Еще и в вечерней колокол ударят. Неет, тут, Иванович, по-другому действовать надо!

– Ну да, Филат Савельевич, здесь ты, пожалуй, прав! – Андрей устало потер глаза и присел за стол. – А ведь и верно, сунемся мы в город наводить порядок, так потом всех здесь супротив себя ополчим.

– За дверь выйдете пока, – буркнул он Митяевской пятерке. – Да рядом будьте, далеко не уходите. Чтобы только крикнул я вас, и вы тут же стрелой явились! Думать мы будем пока. Ступайте!

* * *

– Не лезь, не лезь вперед, я тебе говорю! – Саватей осадил вышедшего чуть впереди всего десятка Оську. – Чуть отстань, вон рядом с Игнаткой, что ли, иди. И куды только вот несет?! На твои щеки кто повнимательней взглянет, не поверит ведь, что из горожан. Румянца тебе вот только на них еще не хватает!

– Да я же сажай натерся, Ильич, и дерюга на мне еще дранее, чем ваша, – оправдывался паренек, тем не менее, замедляя свой шаг.

Митяева пятерка, как и требовал старший этой вылазки, шла в самой середине ватажки. Вся дюжина андреевцев представляла собой весьма живописное зрелище. Грязная и рваная

одежда на теле, сбитые поршни на ногах, всклоченные волосы на чумазных и запыленных головах. Все должно было показывать, что идет тут одна из многочисленных, орудующих ныне в городе ватажек, расплодившихся в большом избытке за последнее время. Идет она по какому-то своему темному делу, и лучше бы ей дорогу не переступать, ибо сам целее будешь. В руках у людей были копья, переделанные из кос, у кого-то дубина или топор, и только самый старший, как видно, атаман, на широком кожаном ремне имел длинный меч в замотанных грязной мешковиной ножнах.

«Видать, у купчины отобрал, а самого зарезал», – подумал низенький худющий мужичок, прижимаясь к забору и с опаской оглядывая всю эту дюжину.

– А ну-ка, поди сюда, милоч! – поманил его пальцем атаман.

Тот сжался в комок и оглянулся по сторонам, ища, куда бы ему скрыться. Улочка была безлюдной, и он уже хотел было нырнуть в пустырь от сгоревшего подворья, но и этот путь ему теперь перекрывали двое молодых вооруженных парней.

– У меня ничего нет, я гол как сокол, православные! Брать с меня неча! Ну что вы, люди добрые, отпустите Христа ради! – загомонил мужичок, затравленно глядя на шагнувшего к нему атамана.

– А ты не шуми, не шуми, родный! – улыбнулся тот и положил руку на свой меч. – А будешь шуметь... – и чуть блеснул боевой сталью.

– Молчу я, молчу, дядька! У меня ведь семья, жена с двумя детками, пока я живой и сами они со мною живы. Я же всю мзду, как и положено, плачу, сейчас Журавлю, а надо, так и вам буду! Вижу, что вы люди не местные. Вы только скажите, кому, мне ведь все одно куда, лишь бы меня не трогали, – все тараторил испуганный мужичок.

– Зовут-то тебя как? – усмехнулся старший ватаги и спрятал меч в ножны.

– Ярышка, – шмыгнул носом мужичок. – Рыбалу я с артелью Тереха. Ежели Боженька улов ныне пошлет, так я и вам рыбки снесу, вы только скажите, из чьих сами будете. Не убивайте, а?

– Не тронем, – заверил его атаман, словно ощупывая всего своим цепким взглядом. – Ты, я погляжу, сам из Загородского конца и Журавлю здесь мзду платишь? Ну так и подскажи, как нам его найти, дело у нас к нему есть, сурьезное. Нуу?!

– Так а чего хорошим людям-то не подсказать? – шмыгнул тот носом. – Вот, стало быть, с этого переулочка вы свернете на левую сторону. Потом по улице шагов с три сотни еще делаете, и там будет другая улочка. Вот там вам уже поворот направо. И по ней, по этой самой улице, вы еще шагаете до самого перекрестка, а на нем вам опять же уходить налево. И вот с правой стороны, через пять сотен шагов, то самое становище Журавля-то и будет. Там три усадьбы вместе рядом стоят, ну и так всякие еще избы поменьше. Вот здесь и живет наш местный загородский атаман.

– Не обманул? Чего-то глаза у тебя шибко бегают? – Атаман ватажки пристально вглядывался в лицо мужичка.

– Неет, что ты, дядько, вижу ведь, что вы мужи зело серьезные. Ну зачем мне темнить? Мне бы за рыбкой пойти побыстрее. Вы скажите, кому и куды ее, ежели что, занести?

– Обойдемся! – буркнул Саватей. – Ступай себе с богом, рыбарь, и мы тоже дальше пойдём. – И ватага двинулась по переулку в том направлении, куда им только что указал Ярышка.

Поворот налево, три сотни шагов, и они свернули на улочку, что вела по правую руку в северном направлении. Редкие прохожие шарахались в сторону от идущей шайки. Вот перекресток, и тут им опять налево. По словам мужичка, с правой стороны должно было открыться то место, где сейчас и проживала ватага Журавля. Но указанных усадеб здесь сейчас как раз-то и не было. Перед отрядом лежало большое пепелище из выгоревших изб простолюдинов и от купеческих подворий.

– Митька, Марат, узнаете хоть чего-нибудь здесь вокруг? В этих местах вы с Журавлем раньше виделись? – Саватей оглядывал своим цепким взглядом окрестности. Не нравилось ему все это!

– Неет, господин подпоручик, вообще даже не это место! – покачал головой Митяй. – По нашему разумению, ближе к Детинцу оно должно быть. Возвращаться назад нам нужно, а вот потом ближе к реке в западную сторону уходить.

– В круг! – вдруг взревел Саватей и в мгновение ока выхватил меч. Не пробило сердце и пять раз, а на пустыре уже стояли спина к спине двенадцать мужиков и парней в рванине, но вот в руках у каждого из них уже были не дубины, а короткие пластунские мечи для скрытного ношения.

Из того переулка, с которого они только что недавно вышли, к ним выкатили, разом окружая огромная толпа человек под сотню, да и с соседних улиц выбегали десятки грязных худых оборванцев с копьями и топорами.

«Ну вот мы и влипли!» – подумал Митяй, поводя острием клинка в сторону подступавших мужиков.

От толпы доносился гомон, слышались выкрики и свист. Мужики пока лезть в драку не спешили, они подбадривали друг дружку и присматривались к чужакам.

Вдруг взгляд парня, пробежавший по лицам, за что-то зацепился. Невысокий ушастый мужичек со спутанной косматой бороденкой обернулся и призывно взмахнул рукой.

– Здесь они все, старшой! – донесся его крик сквозь гомон толпы. – Вся дюжина тут, правду Ярышка сказал, не с Неревского они конца, а совсем чужие!

– Так это же Заяц! – услышав голос мужика, протянул Митяй, узнавая в нем старого знакомого. Ну точно, именно его местный атаман, который сам был из бывших находников, давал им в провожатые этой зимой.

В это время толпа расступилась, и вперед вышел высокий, заросший густым черным волосом дядька с глубоко посаженными жесткими и хищными глазами. В руках он сжимал дружинный щит и секиру с широким, остро заточенным лезвием.

– Никак клещевские все не уgomонятся, все лезут и лезут к нам сюды?! – Он широко расставил ноги, оглядывая перед собой тесный, ошетилившийся короткими мечами круг. – Признать я вас не могу, ну да у вас кодла-то все время новыми татями разрастается. На Людин конец ваш постоянно ведь всякая рванина скатывается. Мечи-то где только такие, эти оборванцы смогли найти? Эй вы! Отдайте их нам, может, и подарим вам тогда жизнь! А нет, так все одно они вам не помогут, всех вас сейчас мы порвем! – Атаман жестко усмехнулся и перехватил поудобнее секиру.

– Дядька Журавель, на что тебе наши мечи? Чай не хуже, чем они, вы у клещевских себе можете добыть! – выкрикнул Митяй и, сделав шаг из круга, распахнул свой драный зипун. А под драпиной на хорошей кольчужке были закрепленные ножны, и именно в них на глазах у всей толпы и убрал свои мечи паренек.

– Митяй, куда?! Стоять! – выкрикнул Саватей и дернулся было следом.

– Спокойно, Ильич! – чуть придержал его Родька за локоть. – Похоже, паря знает, что делает!

– Ты кто таков?! – Атаман внимательно оглядывал стоящего перед ним паренька. Невысокий и крепко сбитый, со спутанными светлыми волосами, твердым, не характерным для своих малых лет взглядом и в своей драной одежде, он смутно ему сейчас кого-то напоминал. Этот ироничный прищур, на лбу и на щеке шрамы, как у бывалого воя.

– Заяц вон спроси, коли признать не можешь, – усмехнулся Митяй. – Он-то сам с нами на Людин конец за ручей ходил. Небось, на всю жизнь тот выход запомнил и как возле мосточка дрожал, пока там нас дожидался.

– Чаво я дрожал, чаво это?! – встрепенулся стоящий за атаманом Заяц.

Журавель оглянулся, взглянул на своего подручного, затем опять на Митьку и громко, в голос, расхохотался.

– Дрожал у ручья, говоришь? А вы там клещевских на их стороне мечами в это время секли? Это он может, это про него! Заяц, неужто так и не признал знакомцев? Пятеро их молодых тогда было, когда они детинцев на нашу сторону выносили, а те лиходеи тогда за ними ватагой гнались. Вспомни, они их еще стрелами хорошо так побили, а мы потом и дубьем тоже добавили. А чего вы вырядились-то так, словно бы черные оборванцы?

– Дядька Журавель, нам бы с глазу на глаз с тобой переговорить, – понизил голос Митяй так, чтобы его мог слышать только сам атаман. – Слово у нас к вам заветное есть, от того, с кем ты в Тавастии по центральному клину о прошлом годе зимою шел. Только бы с глазу на глаз, чтобы все остальные не слышали.

Атаман усмехнулся, еще раз оглядел круг андреевцев и зычно, на всю пустошь, прокричал: – И чаво встали, рты пораззявили?! Ко мне это тут старые знакомцы в гости пожаловали, а вы их и забижать рады! Ярышка, чтоб тебя, окунь ты снулый! И чаво переполох-то такой поднял?! Клещевские идут, клещевских заманил! Ух, я тебя, шлында рыбальная!

Мужичок, направивший в западню чужаков, испуганно вжал голову в плечи и отступил за спину Зайца.

– Так я-то чего? Эти меня пытаются про тебя, а я-то ведь вижу, что они все ненашенские, ну вот и направил их сюды, а сам бяжать скорей с вестью!

– Ладно, пойдёмте до меня, гостечки, там все и обскажете, с чем вы к нам сюда пожаловали!

Журавель повернулся, и правда, словно большая важная птица, на своих длинных ногах зашагал в сторону ближайшего переулка.

* * *

– Значит, говоришь, сам Андрей Иванович вас ко мне направил? – покачал головой атаман, прихлебывая из ковшика легкий мед. – Однако лестно мне это, не скрою, очень даже лестно. Как же, сам Сотник про меня помнит! Вы тут это, угощайтесь, дружинные, – кивнул он на стол. – Извиняйте за такую бедность, время-то ноне лихое. Вот уж чем богаты.

– Да мы не голодные, старшо-ой, – усмехнулся Саватей. – Мне бы с тобой лично с глазу на глаз потолковать. А ребятки бы мои с твоими тут пока посидели да покалякали по-простому.

Как только старшие от обеих сторон вышли в боковую дверь терема, ватажники Журавля, до этого чинно сидевшие за столом, сразу же накинулись на выставленную еду. Лежавшие на столе два пирога с рыбой были ими тут же разломаны на большие кусы и с мелкой склокой поделены промеж собой. Ширококостный, крупный мужичина с обожженными руками выхватил у Зайца горшок с кашей, дал ему затрещину и, не обращая внимания на возмущенные крики, начал жадно уплетать еду большой ложкой. Два лежащих тут же ржаных караваев так же разломали и вмиг растащили со стола. Куски не только ели, но и прятали за пазуху. Было видно, что люди изголодались, и им было не до церемоний. Андреевцы, сидя со своего конца, молча за всем этим наблюдали.

Наконец все было сметено, допит последний горшок с легким хмельным, и довольные, сытые ватажники захотели пообщаться с супротивной стороной. – Откуда сами-то вы, служивые? Где были? Чего делали? Чего вообще в мире антиресного видели?

Родион, оставшийся за старшего, хмыкнул и пожал плечами:

– Да чего? Где мы были, там нас сейчас уже нет. А чего мы делали? Ну чего еще обычно дружинные делают? У костров по вечерам сидели да кашу на сале варили, а днем, стало быть, для тех костров дрова в лесу собирали. В мире же все, так же как и раньше – когда солнышко светит, так тогда тепло, ну а как дождик только пройдет, а опосля еще и ветерок дунет, так

совсем зябко становится. Вот только теми кострами, про которые я только что вам тут рассказывал, мы-то как раз и согревались.

За столом повисло молчание. Наконец до противной стороны дошел весь смысл заковыристого ответа, и ватажники обиженно засопели.

– За дураков нас здесь держите? Не хотите про себя ничего рассказывать, так бы и сказали! Для чего над хозяевами-то издеваться?

– Ладно, извиняйте, пошутил я, – улыбнулся покладисто Родька. – Лучше уж вы о себе нам поведаете. Чего делаете, чем живете, что у вас тут нового в стольном граде происходит? Вам-то на сытый живот будет легче рассказывать. – И он кивнул на крошки пирога, которые Заяц аккуратно сметал в ладонь.

– Ну а чаво рассказывать? – Тот мужик, что расправился с кашей Зайца, задумчиво почесал заросшую густым черным волосом щеку. – Еще года два назад было всем весело, работа шла, еды много, денежка – сколько ее наработаешь, вся твоя. У каждого работающего в семье был лад и покой. Я сам вон на кузне у Горыни полтора десятка лет молотом отмахал. А надоест в городе ломовую работу делать, так и в находники на емь или на чудь сбегаешь, а то и к ушкуйникам ладожским на целый сезон прибьешься. Весело там, да и при добыче опять же всегда, ну а потом возвратишься и опять за свой молот. И чего вот так дальше нам не жилось? Видать, скучно всем стало, Ярослава с его детинцами со стола прогнали. Ну, думали – теперь свобода будет, веселей заживем! И зачем нам такая строгая власть здесь нужна? А тут вона чего! Непогода вдруг ударила! Все на полях погнило, еды людям не стало, а народ озверел и лютовать начал. Все припасы, какие только в городе были, подобрали. Зерновые амбары разбили, а где даже и пожгли. Сначала боярскую и купеческую старшину разорять стали, а потом и до тех, кто попроще, добрались. Думали, как новый князь придет – добрый порядок у нас будет и весь свой народ он, конечно же, накормит! Голосистые людишки на вечевых собраниях сладкие речи про то говорили. Ага, конечно! Поверили им! До Новгорода ли тому князю, когда у него главный стол в дальнем Чернигове? За Копорье, на Нарову князь Михаил сбегал со своими полками, а потом обратно к себе на южную вотчину ушел. У нас же, вон, несмышляныша своего с ближним боярским приглядом оставил. И чего, где власть-то в городе княжья? Работы никакой нет, все артельные и мастеровые на нашем конце за дубины взялись, да и на других точно так же. Товара на выходе нет, а значит, и серебра нет, ладьи-то с наработанным никуда от нас более не уходят, да и сюда они не идут, все равно ведь здесь иноземцам покупать нечего. Раньше тати и душегубцы за состоятельным человеком приходили, а теперь и самого простого посадского человека последнего имущества и жизни лишат, было бы у него чего из избы только вынести. Живем как собаки, с каждым чужаком готовы насмерть сцепиться. И вас бы порвали, если бы Журавель не признал. Не знаю, где и выход есть из всего этого. Обратного бы вот все вернуть, так бы и дальше махал своим молотом в кузне. Сейчас-то это за великую радость бы было. Обычной, людской жизни всем хочется.

– Это даа, – заворчали мужики. – У моего хозяина Галаша артель самострельная была, жили мы, горя не знали. Наперед ряд был расписан, что наши, что иноземцы все выработанное враз раскупали, – рассказывал конопатый круглолицый мужик. – А теперь нет ни Галаша того, ни его мастерской. Все ироды спалили, а самого хозяина с семьей растерзали.

– Да чего ты, у всех такие истории есть! – поддержал бывшего ремесленного сидящий с ним по соседству рыжий мужик. – У меня вон самого на дому сапожная мастерская была. Из наемных в ней только двое, а все остальные свои, ближние родичи или и вовсе из семьи. Все ведь подчистую разорили, насилиу жену с детьми спасти смог, спасибо вон Никодиму Борисовичу, отбил от нас клещевских, и сам ведь там чуть было не полег.

– Да ладно, Егорий! – махнул рукой кузнец. – Чать столько лет с тобою в соседях были, чаво уж своему-то было не помочь!

Мужики за столом разговорились – не остановить, у многих были подобные истории о бедах и лишениях этого страшного года. Андреевские слушали их молча, не перебивая. Наконец боковая дверь скрипнула, и из нее в комнату вышли старшие.

– Ну все, Григорий Стоянович, так мы и порешим. Ждем сигнала к ночи о послезавтра, после Господнего совета, а там уже начнем! Все как сейчас и обговаривали! – Саватей стиснул в рукопожатии ладонь Журавля, и тот аж скривился. Рука у ветерана была крепкая!

* * *

Андрей собирался на Господний совет с тяжелым сердцем. И раньше-то, при дружески настроенном Ярославе и благосклонном Владыке, нервов он ему стоил испорченных много. А теперь, когда там, по своей сути, были одни лишь недруги, ноги и сами не хотели его туда нести.

– Ничего, ничего, Иванович, – успокаивал его Путята. – Ты, главное, сиди там, в уголке, да щеки с важностью надувай. Спорить тебе ни с кем не нужно. Кричать и грозить, ногами топтать – вообще даже не стоит. Там и без тебя всех этих крикунов да склочников великое множество будет. Тверди себе на весь их лай, что ты действовал, дескать, по прямому указанию князя Михаила, по его личному высочайшему повелению. Вот пусть с него-то за все теперь и спрашивают, если что им не так. Прикинься эдаким простачком из дружинных воев, ты ведь, я знаю, это можешь. Глазами вон почаще хлопай да бубни себе под нос, что ничего не знаю, ничего не ведаю и вообще у тебя дружина совсем вся в боях обескровленная. Еды в твоём поместье и вовсе не осталось, болезни черные вокруг нее ходят, а все ремесла сгнули подчистую. А сами вои после такого дальнего похода теперь у тебя долгий отдых требуют, и никуда идти пока более они не хотят. Это чтобы эти тараканы еще куда-нибудь вас не заперли по своему личному хотению. А что? С них там вполне станется! У нынешних властей теперь лишь одно спасение – это на грабеж соседей уповать, своего-то в городе ничего уже не осталось. А вам вот это надо? Да, и не забудь почаще ссылаться, что два года князь Михаил Всеволодович вам на отдых дал в своем личном поместье. И все! И точка! Никуда вы, пока этот срок не выйдет, не пойдете, ибо это против воли самого Михаила будет, а ты ведь княжью волю верно блюдешь!

– Ладно, ладно, – отмахнулся от докучливого советчика Андрей. – Отсижу как-нибудь. Да пригляжусь там к тем, кто сейчас на самом верху заседает. Там вообще есть те, кто слово поперек воли прочерниговским молвить может?

– Нуу, как же не быть, – почесал затылок Путята. – Это ведь Новгород, здесь всегда только лишь твое верное да чужое пустое мнение имеется. И свое привыкли горлом, а то и кулаками отстаивать. Правда, наорались и подрались вдосталь за весь этот последний год. Чуть-чуть вроде потише уже с голодухи стали. Но все равно бузотерить всенепременно там будут. Сила, конечно, за черниговскими, в этом ты прав. На самых главных, на ключевых постах сторонники князя Михаила сидят: в посадниках – Внезд Водовик, а тысяцким – Борис Негочевич. И они в одну дуду с первыми боярами молодого княжича Ростислава хором дуют.

Вторая по значимости группа – это Степана Твердиславовича. Силы за ними такой, конечно же, нет, как у первых, но вот орать и поперешиничать они тоже хорошо могут. Раньше-то, при Ярославе, все в разладе с его людьми были, ну а теперь, как только власть сменилась, так, стало быть, и с нею они не в ладах. Но ты у них союза не ищи, Андрей, они сами за себя и только лишь свои личные интересы на совете отстаивают.

По Владыке ты и сам знаешь – это не Арсений, который и усовестить мог, и настоять на своем не боялся, верховную власть поддерживая. Он и о простом народе радел и заботился. Ничего плохого не скажу я про нового архиепископа Спиридона, который занял сей высокий пост после онемевшего епископа. Менее полгода как его избрали на вече главою новгородского духовенства, и в мирских делах он пока участия не принимает.

Есть еще кончанские старосты, но эти уже кто во что горазд, как говорится, и за ваших, и за наших, между простым людом они сидят и верхней властью. Их сейчас более всего волнует, как бы им самим выжить, силы-то как таковой у них ведь никакой нет. В каждом конце города атаманы ватаг ее гораздо более имеют, чем этот выборный человек.

– Даа, – покачал головой Сотник. – Сложно все! И вот оно мне надо – вот в это все нырять? Нет, прав был Ярослав, когда ограждал от такого омута!

– Ну а что поделаешь, нет Ярослава, и всей его просуздальской силы в верхах тоже не стало, – вздохнул Строков. – Однако вот что интересно, в простом народе все более и более добрым словом князя Ярослава вспоминают. Дескать, и спокойней при нем жилось, и гораздо сытнее. Видно, и господь его тоже больше любил. Пока под его властью Новгород был, не было такой страшной жути, как вот при этой, нынешней. Вот что сейчас говорят, а это, я тебе скажу, очень даже важный сигнал. Ежели и дальше так дело пойдет и никакого продуха во всех этих бедствиях не будет, то вполне могут всю нынешнюю власть сместить, а его потом опять на престол вернуть. И тот же Степан Твердиславович уже может из хулителей самым ярым его сторонником стать, лишь бы всю прочерниговскую силу отсюда целиком вышибить.

* * *

Все на Господнем совете было так, как и говорил Путята. Вел его от имени княжича Ростислава хитромудрый Прибыслав. Приглашенные сидели в большой приемной зале детинца. А по ее длинным сторонам были расставлены широкие лавки. На переднем – «княжьем» месте, возле резного кресла с малолетним Ростиславом, сидели по бокам на приставных массивных стульях два его самых ближних боярина. По левую сторону пристроился скромно в уголке епископ Спиридон, а вот по правую развалились на лавках посадник с тысяцким.

Уже третий час шла жаркая перепалка. Спорили до хрипоты кончанские и сотские старосты, напоминая посаднику, что князь Михаил сам многие подати отменил, а собирать сейчас новые с того люда, который и сам находится в крайнем разорении, просто уму непостижимо! Внезд Водовик грозил прекратить ремонт Великого моста и кормление и так весьма малочисленной дружины. Тысяцкий с купеческими старостами кричал, что мыто с купцов собирать уже вовсе не с кого. Иноземцев ныне и десятой части от прежнего нет, а свои купцы, те все по большей части разбежались или же прозябают в самом крайнем разорении и сидят без дела. Серебра в казне нет, пропитания в городе нет, и все у всех рушится. Вокруг хаос и одни лишь беды. У каждого здесь присутствующего были великие и не разрешаемые проблемы, и каждый винил в них всех, кроме себя. Многие пришедшие на эту высокую встречу сидели облачённые в свои лучшие меха и теперь раскраснелись, смахивали с лица обильный пот.

Андрей сидел с краю, у самого выхода, за одетым в пышную шубу сотским старостой Неревского конца Кузьмой Овином и никуда не встревал. Несколько раз уже слышал он обидное про воинскую силу, от которой, дескать, никакого толку нет, и она только лишь весь народ объедает. Слышал все и молчал. Вот и опять староста Людина конца Никодим с поддержкой двух своих сотских старост завел старую песню: на что им тут целых пять княжих сотен в городе держать, когда врага на внешних рубежах и вовсе нет?! А коли он появится вдруг, так ведь и городского ополчения, чтобы его отбить, вполне хватит! А тут, по слухам, ведь и еще столько же дружинных воев водой в город пожаловали, а то, может быть, даже и поболее того! И чего, их тоже кормить, как и тех, что при княжиче?! Никакого толку нет им от тех воинских дружин!

– И почто только они на Колывань ходили?! – все горячился распаленный склокой уже весьма пожилой староста. – Две сотни находников, из своих, из городских, только вот там потеряли, а добычи так себе, с гулькин нос привезли от ливонцев! Пока обратно до Новгорода дошли, все, что на себе тащили, пожрали! Для чего вообще такие походы нужны?! Для чего нам дружину кормить, спрашивается?!

– А вот пусть нам сам участник того похода на этот вопрос и ответит, – с масляной улыбкой на лице заявил Прибыслав и, приподнявшись со своего места, прошептал что-то в ухо княжичу. Тот стукнул посохом о пол и звонким голосом выкрикнул: – Служивый боярин Андрей, ответь честному собранию, на что столько припасов городских ушло, когда простому люду и самому есть нечего? Какой толк с того похода был, и где с него все там добытое?

«Ну вот и до меня наконец-то добрались», – подумал Сотник, вставая с места.

Ор голосов понемногу затихал, и десятки человек внимательно оглядывали воинского начальника, о котором ходило столько противоречивых слухов.

Андрей вежливо поклонился княжичу и обеим сторонам большого приемного зала, где сидели члены совета.

– Ростислав Михайлович, и вы, честной совет Господина Великого Новгорода. Эти вопросы ведь не мне, пожалуй, тут задавать следует, а самому князю Михаилу Всеволодовичу, что и возглавлял тот славный поход на Эстляндию. Я же со своими воинами был лишь в составе его, так же, кстати, как и уважаемые бояре Прибыслав и Неждан. И да, я не зря здесь, перед вами, этот поход назвал сейчас «славным». Ибо русские рати, вступив в союз с войсками датского короля Вальдемара, разбили большие силы ливонцев, которые стояли уже на границе наших копорских земель. Разбили и тем самым помогли датчанам вернуть обратно свои земли. В благодарность же за помощь союзники передали в вечные владения Новгороду Нарву и ее окрестности, а также еще и остров Котлин, что запирает устье судоходной Невы. Теперь мы имеем не только сильных союзников на своем северо-западе, но и приросли там землей, и сможем обеспечить свободный проход своих судов в Вотский залив Балтики по речному пути. И теперь Ладожское озеро становится нашим внутренним и безопасным, потому как оно и так уже охраняется сильной крепостью Орешек. А тут совсем скоро и еще одна твердыня встанет со стороны моря, обороняя уже и сам выход в него с Невы. Помимо датчан у нас появились еще и союзники из местных племен эстов, с кем союз мы скрепили кровью на поле брани. Я говорю вам про эстов из племени верумцев. Коли мы вдумчиво и честно с ними будем вести дело, так они для нас такими же полезными, как карела, вот и ижора, станут. И будут они защищать западные рубежи Новгорода от набегов крестоносцев. Да и сдерживать тех же датчан они тоже смогут. Разве же этого мало?

– Ты тут о туманных выгодах дружбы с лесовиками нам в уши-то не заливай! – выкрикнул староста Людиного конца. – Мы их давно уже и так набегам примучиваем и добычу с них берем! Что нам теперь, еще и дружбу с ними водить?! Тебя, воевода, про добычу спросили, а не про туманные посольские выгоды! Почто добычи с этого похода нет?! Почто напрасно столько припасов проели. Толк-то тогда какой вообще с вас всех был?! Гнать нам надобно воинских из города, самим же тогда и легче жить будет!

«Ну да, конечно, кому, как не тебе, мешают дружинные, Никодим, – думал Сотник. – Тебе да клещевским, что стояли за спиной у этого старосты с Людиного конца». Но смысла вступать в перепалку здесь не было, и Андрей постарался отвечать как можно более спокойно:

– Уважаемый совет Господина Великого Новгорода, простите, что напоминаю вам, но моя дружина из городских припасов ни пуда для себя не взяла, она в походе брала пропитание только из своего поместья. Если не верите, то у посадника или у тысяцкого спросите. Уж такие уважаемые люди никак вам соврать не смогут, – и он кивнул в сторону княжьего места.

Прибыслав сделал кислое лицо и был вынужден легонько кивнуть.

– А насчет добычи. Со взятой Нарвы мы для себя ничего не взяли, – пожал плечами Андрей. – Все, что там было, городские находники только лишь взяли, ну еще и ижора с водью. Так что с них теперь вам и спрос. Мы же, по указанию князя Михаила, далее свой поход продолжили, дабы выполнить союзнические обещания перед датчанами.

– Ну вы же добычу с собой везете, с Ревеля взятую? Неужто ты, Андрей Иванович, думаешь, что мы тут про нее ничего не знаем? – хитро улыбнулся Прибыслав. – Или на князя Михаила опять сошлешься, что он тебе ее всю разрешил с собою в поместье забрать?

– Да нет, не буду я на князя ссылаться, не было у меня мысли наперед об этом тогда толковать, – усмехнулся Андрей. – Нужно была сильного врага и далее воевать, а не о будущей добыче торговаться.

– Ну вот, коли не было, так и оставляй ты тогда здесь в Новгороде те три ладьи с зерном, что вы сейчас с собою тащите. Знаем мы, что герцогом Кристианом это вам в благодарность за свою воинскую помощь пожаловано. А вот все-то железо, что вы еще попутно везете, так это можете себе оставить, нам оно здесь без надобности. Ну а зерно для нашего города – это самое нужное сейчас будет. Правду ведь я говорю, господа совет? – И он победоносно окинул взглядом всех присутствующих.

– Правда, правда! – орал со своих мест все, кто сидел на лавках. – В этот голод как раз впору такая добыча нам будет! Железо к себе пушай гонит, у нас все равно здесь ремесло встало. Пусть все три ладьи с зерном здесь оставляет! Коли дружина Сотника Господину Великому Новгороду принадлежит, так, значит, и весь наш люд на свою долю с нее тоже право имеет!

– Ну что же, как скажете, господа совет, – кивнул Андрей. – Завтра же на княжью пристань к обеду они и придут. А дальше вы уже сами то зерно как надо распределяйте.

Такой исход они с Путятой предвидели заранее. Сами же весть о том зерне и шепнули кому нужно, чтобы она до ушей посадника с тысяцким еще до начала совета достигла и они не лезли бы во все то, что еще сейчас везли в ладейных трюмах. А шло, помимо зерна в поместье, много битой немецкой брони да и прочего рабочего металла, вывозимого в виде законной добычи. Для Андреевского это было очень необходимо, ну а три эти ладьи с зерном, при рачительном хозяйском и справедливом распределении, могли бы спасти чьи-то жизни в этом огромном, охваченном голодом городе. Так что было его не жалко, коли шло оно для людей. Да и противник в господских верхах пусть пока радуется и думает, что это он победил в этой их негласной и тайной войне.

– Ну, хорошо, коли так, – покачал головой Прибыслав, втайне рассчитывая на то, что Андрей все же будет сопротивляться такому решению. – И в поместье к тебе мы вскоре особых своих людей отправим, пушай они на месте оценивают, какую подать с вас взять можно. Сидите там за нашими спинами и в казну ничего не отдаете. А товары-то на своих ладьях постоянно в немецкую землю гоните! Князя Ярослава нонче нет, поэтому ваше прежнее освобождение от всех тягот уже недействительно!

«А вот это уже плохо, – думал Андрей, присаживаясь на свою лавку. – Чужие враждебные люди в поместье, если они сумеют оценить весь товарооборот, могут очень дорого ему стоить. До трети, а то и более ведь здесь поборами при ином злом хозяине забирается, если он кого захочет разорить. Ну да ладно, будем дальше думать, что с этим делать». Впереди, этой ночью, было еще одно большое дело, и Андрей посмотрел на старосту Людиного конца. Именно в его части города и свила гнездо самая кровожадная ватага разбойников.

Глава 3. Город в огне

Ближе к полуночи, когда разбирались хозяйственные дразги пятин, из боковой двери зала к Прибыславу подскочил теремной человек и что-то ему зашептал в ухо. Боярин нахмурился и, выслушав его, махнул рукой, отпуская.

– Кузьма Ярилович, Хотислав Путилович, опять ваша чернь свару с людинскими затеяли, железом на улицах бьются и дома жгут! – выкрикнул он со своего «переднего» места. – Ну никакого мира между вашими концами нет!

– А какой мир может быть, когда весь Людинский конец под Клеща лег, а теперь и половину моего они уже отъели и сейчас вот уже и на Неревский лезут! А вся кончанская старшина их разбой там покрывает! – выкрикнул староста от Загородского.

– Ты говори да не заговаривайся, Хотиславка! За такие-то поганые слова не только языка, но и живота лишиться можно! – взъярился Никодим и взмахнул в сторону Хотислава посохом. – У нас вон Ванька не озорует и не забижает никого! Вы сами у себя не можете со своей чернью разобраться и порядок навести, а на другие концы наговариваете!

По всему залу слышались недовольный гул и резкие выкрики. У многих уже в печенке сидели вся эта разбойничья вольница и тот разброд, что творился сейчас в городе.

– Дружину нужно на разбойников слать! Давно приструнить пора Клеща, никакого житья от него нет уже! А на него и другие ватаги сейчас смотрят и пример с него берут! – гомонили старшины купцов, кончанские и сотские старосты.

– Тише, тише, господа совет, – старался успокоить разошедшихся Прибыслав. – Никак не можно нам дружину в город слать. У нас ее всего-то пять сотен, да и то три из них в детинце стоит, а ну как люд в злобе и их в городе перебьет, так и вообще тогда никакой воинской силы у нас не останется!

– Да на что такая сила вообще, которая за порядком в городе не следит и носа вообще из детинца не кажет?! – выкрикнул староста Славенского конца. – С Людинога уже на наш, на противоположный, правый берег на челнах набегают и там народ грабят, убивают, а их избы жгут! Что нам теперича, самим своих людей против клещевских поднимать?!

– Успокойтесь, господа совет, успокойтесь, чай не впервой уже такое, – увещевал людей боярин. – Ну, побьются немного людишки, выпустят себе озорную кровушку, пожгут немного посад да и успокоятся опять. Было уже такое, и еще, небось, не раз будет. Вот придет скоро Михаил Всеволодович с полками, он и разберется с теми, кто там озорует!

«Ну-ну, разберется, – усмехнулся про себя Сотник. – Не больно-то и хочет боярин во все это лезть, не зря же слухи ходят, что и он вместе с посадником и тысяцким был причастен к тому, что угольки недовольства против просуздальской партии костром мятежа вспыхнули, а потом и привели в итоге к самой смене власти. Видать, и лихие люди с Людинога конца в свое время в этот костер тоже эдак хорошо подули. А у городской старшины теперь руки накрепко связаны против тех злодеев. Может быть, они и рады их сейчас приструнить, да уж слишком глубоко увязли в этом болоте».

Шумный совет продолжался, а Андрею уже не терпелось поскорее с него выйти. Похоже, что события в городе шли по намеченному ранее плану. Люди Журавля сцепились с ватагой клещевских, и на улицах левого берега сейчас кипели яростные схватки. Еще немного, и можно было ждать условного сигнала – огненной стрелы напротив Рюрикова городища. Наконец, уже далеко за полночь, закончилось это склочное собрание, и Андрей в окружении охранной полусотни поспешил на пристань. Пять сотен шагов было до нее, а по дороге им пару раз попадались толпы возбужденных и орущих мужиков, вооруженных дубьем, вилами и копьями, переделанными из кос. Расходились пока миром, у горожан были свои заботы, и с дружинными они воевать сейчас явно не желали.

Вот, наконец, и пристань с ожидающей их ладьей. Соскочив с приставных мостков на палубу, Сотник вопросительно посмотрел на Бояна.

– Ну что, Ферапонтович, был условный сигнал?

Тот покачал головой.

– Ждем, Андрей Иванович, а в городе с реки уже несколько пожаров стали видны. Похоже, что не на шутку там разошлись, вон и по берегу какие толпы с дубьем пробегали, так ведь просто и не поймешь, из чьих они будут.

– Ладно, значит, пока ждем, – кивнул Сотник. – С Журавлем у нас четко обговорено, что пока клещевские совсем не втянутся в Загородский и Неревский концы, они сами будут их там сдерживать. А вот как они совсем уже там раздухарятся и как расползутся по городским улицам, вот тогда-то они нам и подадут тот самый сигнал.

* * *

Еще больше часа ждали условного сигнала пять андреевских сотен на своей стоянке. Наконец на противоположном левом берегу в небо ушли огненные стрелы.

– Андрей Иванович, есть сигнал! – крикнул Филат, подбегая к комбригу. – Три стрелы в небе, все, как ты и говорил!

– Вижу, Савельевич! Выступаем! Людей в ладьи, а дальше все, как мы и обговаривали! – скомандовал комбриг. – Вы с Тимофеем высаживаетесь за версту до детинца и заходите двумя с половиной сотнями по границе Людиного и Загородского концов вдоль большого ручья. Мы же идем ниже, до самого моста, и уже оттуда бьем в сторону Неревского. Все, удачи, Савельевич, пошли! – И Андрей, сбегав по перекидному мостку, спрыгнул на палубу своей ладьи.

Небо над городом подсвечивалось пожарами. Где то в нем пылали десятки домов и усадеб, и шла настоящая война. Клещевская разбойничья рать, вооруженная несравнимо лучше, чем все ее соперники, разметала несколько заслонов из мужиков и ворвалась в Загородский и Неревский концы. На улицах шел яростный кровавый бой.

К ватаге Журавля пришли на помощь еще две неревских и примкнули простолюдины с обоих концов. Их было гораздо больше, чем нападающих, но что они могли сделать с дубьем против вооруженных боевым железом, опытных, да еще и сплоченных разбойников? Улицу за улицей проходили теперь клещевские, а за ними оставались лежать изуродованные трупы и пылали пожары.

Сотни воинов спрыгивали на бревна городской пристани прямо с бортов ладей. Слышались позвякивание брони, глухие удары щитов и топот множества ног.

– Делимся на три отряда! – скомандовал комбриг. – Каждый идет по своей улице от реки в город. Фотич, твоя будет Прусская, та, что выходит на Загородский конец. Лавр Буриславович, ты идешь по Холопьевой, а я по Великой Неревского конца пойду!

Впереди каждого клина шли по восемь, девять десятков воинов в тяжелой броне, прикрываясь большими щитами пешцев. За их спинами двигались легкие стрелки из старших курсов школы. Сто, двести, три сотни шагов, пять, прошел отряд Сотника по своей улице. Сначала ему встречались по пути лишь небольшие группки мужиков, которые при виде воинов испуганно шарахались в боковые переулки или жались к заборам. Затем они стали больше, но все так же пропускали дружинных, предусмотрительно скинув дубины и самодельные косы на землю. А вскоре впереди послышался многоголосый рев, и прямо на воинский клин из пересечения с улицей Щерковой выкатилась огромная, истошно орущая толпа.

Впереди неслось сотни четыре испуганных мужиков. Мало у кого из них в руках был сейчас топор или дубина. Многие были в крови и в разорванной грязной одежде. За ними, гоня этих мужиков, неслось с ревом около трех сотен с мечами, секирами и боевыми копьями в руках.

– Разорвать строй! Половины к забору! – скомандовал комбриг, и толпа в панике пронеслась по освобожденной середине улицы.

– Сомкнуть ряды! – И перед остановившейся в нерешительности в паре-тройке десятков шагов погони выстроилась плотная стена щитов.

– Кто такие?! Почему с оружием против городского люда вышли? А ну отвечать! – громовым голосом закричал Андрей, выйдя на шаг впереди своих людей.

– Вы сами кто такие?! Почто в дела людские свободного города лезете! – проорал крепкий мордастый мужик с окровавленным мечом в руке. – Уходите в детинец и сидите там тихо, пока целые! Никто вас не тронет там, за стенами! А не то так же, как и этих, сейчас вас порвем!

– Убирайтесь! – заорали из беснующейся толпы, и Андрей пригнулся, пропуская мимо себя брошенную в него сулицу. И еще одну с громким стуком принял на себя его большой щит. Он резко сдал назад, вставая в первый ряд воинов.

– Стрелкам тоовсь! Первые шеренги на колено! Щиты стенкой вверх ставь!

Три ряда тяжело бронированных воинов разом опустили на землю. А перед толпой сейчас была сплошная стена щитов.

– Стрелкам бей! – И в гомонящую толпу полетела оперенная смерть. Самострелы тут были лишними. Хорошей брони на разбойниках было мало, а с такого короткого расстояния в три-четыре десятка шагов боевые луки своей граненой стрелой легко пробивали даже самую крепкую кольчугу.

Ших! Пятьдесят, сто, полторы сотни, две сотни стрел, три выбивали свои жертвы среди толпы. Несколько копий вылетело в ответ, и они впились в щитовую стену.

– Бей дружинных! – заорал мордастый с мечом, сам прикрываясь, как щитом, мужиком в зипуне с нашитыми на нем костяными бляхами. Стрела ударила мужика в грудь, и ее наконецник вышел из его спины.

– Беей! – отбрасывая в сторону уже ненужное прикрытие, предводитель бросился во главе сотни самых отчаянных вперед.

В вооружение каждого пехотинца бригады входило два метательных копьёца. Толпа только неслась к ним, а навстречу ей уже летели сулицы.

– Бум! Бум! Бум! – с глухим грохотом ударили топоры, мечи и дубины по щитам.

– Крепить строй! – прокричал Сотник, сдерживая натиск спереди. Сзади его подперли со второго ряда, и он чуть сдвинул свой щит влево. – На! – Резкий укол в образовавшуюся щель, и под ноги упал пронзенный мечом противник.

– Раз! Раз! Раз! – Стена щитов, устояв при первом натиске, начала рывками напирать вперед. Толпа чуть подалась, и Андрей, обернувшись, прокричал: – Стрелки, тоовсь! Первые шеренги на колено! Пешцы, щиты вверх ставь! Стрелкам – бей!

И опять в толпу ударили пять десятков боевых тугих луков. Три, пять, семь ударов сердца, и больше двух с половиной сотен стрел со свистом ушли поверх голов мечников. Не каждая из них нашла свою цель. Некоторые тела жертв, стоявших в первых рядах, пробивались двумя и порой даже тремя. Но впереди стоящих атакующих они выкосили всех.

– Стрелкам бить навесом! – проорал комбриг, вскакивая. – Стенка, вперед!

Организованного сопротивления воинам уже не было. Легко сбив дрогнувшую и сильно поредевшую толпу, ее затем погнали по улице в южную сторону. То же самое сейчас происходило и в двух других ударных клиньях.

– Марат, Оська, за мной! – Митяй заскочил в распахнутые ворота двора справа. Два звероватого вида мужика вытаскивали из распахнутой двери крепкого дома какие-то узлы с рухлядью. На крыльце в луже крови лежал с рассеченной головой мужик, а из дома слышался резкий женский визг. На бегу, не снижая скорости, Митяй метнул швырковый нож и, уклоняясь от падающего навстречу ему мертвого тела, выбил ногою дверь вовнутрь. За ним следом,

срубив второго разбойника мечом, заскакивал и друг берендей. Осыка с наложенной на лук стрелой в это время контролировал двор.

Меч боковым хлестом перерубил шейную жилу насильника, и струя алой крови окатила как саму жертву, так и второго мужика, что держал за руки распластанную на полу и визжащую бабу. – А чего?! Ааа! – заорал тот, и метнулся было в сторону. Раздался противный хруст, и Марат вытер о его одежду свой окровавленный меч.

– Прикройся! – Митяй сдернул какую-то дерюжку с полатей и кинул ее женщине, оглядывая цепким взглядом весь дом. Больше здесь никого уже не было.

– Все, чисто, пошли, Марат! Прости, хозяйка, не успели мы немного.

Их клин в это время уже ушел на пару сотен шагов вперед, гоня разбитую разбойничью ватагу по Прусской улице, и его нужно было теперь догонять. То с одного, то с другого двора выскакивали легкие пешцы, зачищающие дворы, и тоже спешили вперед. А сзади уже накатывала толпа мужичья с дубьем и с подобранным у убитых оружием.

– Свои, свои! От Журавля мы! – выкрикнул ширококостный, чернобородый, заросший густым волосом мужик с обожженными руками. – Слышите, вечевой колокол бьет?! Весь народ со всех концов на клещевских находников поднялся! Гайда вперед, робята! – И он, потрясая секирой с широким лезвием, увлек огромную и орущую толпу за собой. А издали доносился набат вечевых колоколов с Неревского и Загородского концов, да и из Славенского и Плотницкого на левый берег по Великому мосту неслись толпы мужиков с дреколем. Весть, словно пожар, пробежала по всему огромному городу: клещевские простой люд бьют, баб насильничают, а избы жгут и все себе подчистую выносят! Тысячи людей поднялись, схватив то оружие, что у них имелось, и теперь их было уже не остановить. Основной костяк разбойничьей ватаги был выбит воинскими клиньями, и противостоять толпе народа никто не мог.

– Уходим! – Подобрал десяток своих раненых и двух убитых, андреевские резко развернулись и, выйдя по своим улицам к Волхову, погрузились на ожидающие их ладьи. А разъяренные толпы народа, разметав остатки еще сопротивляющейся ватаги, ворвались в Людин конец. Здесь их поддержали и сами жители, натерпевшиеся от атамана и от своей кончанской верхушки. Гнев этой толпы был страшен!

* * *

– До сих пор горят концы? – Варун, поднявшись на колокольню Благовещенской церкви, оглядел всю левую Софийскую сторону города. – Горят, Варун Фотич, – кивнул Родька. – Неревский и Загородский вроде бы как затушили, а вот Людин, что как раз напротив нас, тот вон до сих пор пылает, уже треть часть его дотла выгорела. Правда, дымы стали белые и не такие густые, как раньше, видать, и его тоже сейчас тушат.

– Ну и ладно, ну вот и хорошо, – пробормотал старший разведчик и, развернувшись на макову храма, размахисто перекрестился. – Прости, господи, сколько народу ведь сгинуло!

* * *

Под вечер к пристани городища подошла ладья, из нее выскочили уже знакомые по прошлым переговорам новгородцы.

– Андрей Иванович в шатре, пожалуйста к нему туда! – пригласил Журавля и его сотовой старший караульной полусотни Угрим Лютомирович.

В сопровождении двух десятков караульных с копьями пятеро новгородских старшин прошли в командирский шатер.

– Здрав будь, воевода-боярин новгородский Андрей Иванович! – поклонился в пояс высокий старшина загородской ватаги. – Вот пришли мы поклониться тебе со старшиной

нашей Софийской городской стороны, – и старосты Неревского и Загородского концов – Кузьма Овин с Хотиславом Путиловичем, блюдя свое достоинство, вежливо поклонились.

– А вот с Людиного конца Никодима Паскалова-то и нет, да и не будет уже. Забили ведь вусмерть того старосту. Сами свои люди лютой смерти предали, – развел руками Журавель и перекрестился на походный воинский складень. – Злой ведь нынче народ, в обиде он был на Чудиновича. Забижал, сказывают, он с разбойниками своих людей, в страхе всех сильным держал. Вот, видать, и не стерпели они того. Всех ближних его побили, а усадьбу дотла сожгли.

– Даа, страшно! – вздохнул староста с Неревского. – А ведь говорили мы ему и не раз ведь – зря ты так, Никодимка, со своими людьми. Воздастся ведь тебе за все, а вот так оно и случилось! Народ в гневе ведь не знает никакого удержу, ох и лютый он ноне! – И Кузьма Ярилович глубоко, с шумом вздохнул.

– Пожалуйте к походному столу, гости дорогие. Сейчас распоряджусь, накрою на скорую руку, вы уж извините, не ждали мы вас так рано! – извинился Сотник и, подозвав к себе Буриславовича, шепнул ему что-то на ухо.

– Сделаем, Иванович, не беспокойся, – кивнул тот и, откинув полог, выскочил из шатра.

– А вот Клеща с тремя первыми его подельниками-то мы и не нашли, – сокрушался, сидя за накрытым столом, Журавель. – После того как ваша дружина вышла из города, мы добились всех ватажных на Загородском конце и потом зашли на Людин. Народ ударил в вечевые колокола, набежали его целые тысячи, и даже с правой, с торговой стороны на подмогу пришли. Многим ведь зла наделали за все эти годы клещевские, вот и били их там нещадно. Мало кто сбежать сумел. Только, поди, самые что ни на есть ушлые. Ну да ничего, найдет на себя еще Клещ смертушку. Такие просто так не отходят! Слишком много на нем душ невинно убиенных висит.

Старосты слушали, поддакивали и наворачивали жирную воинскую кашу, пироги с рыбой да запивали все это медовым взваром.

– Извините, уважаемые, не могу я вас хмельным угостить, не держим мы в походах хмельное, – развел руками Сотник.

– Дэк мы-то че?! Мы-то понимаем! Дело служивое! – кивал важно кончанская старшина. – Чай и сами в походы, было время, тоже ведь хаживали. И так вон как нас уважил, эх и хороша дружинная кашка, жирная, с дымком, да на добром сале.

– Что теперь-то делать собираетесь, уважаемые? – Андрей, словно оценивая, внимательно оглядел сидящих за столом гостей и думал: «Так, Журавель, этот из бывших ушкуйников и находников. Он привык больше секирою да мечом себе на жизнь и на пропитание находить. С ним же и два его ближних подручных, как раз под стать своему лихому атаману. Крепкие мужики, с уверенными и цепкими взглядами. Лишь бы не пошли они по пути Клеща. Вот сплуются с выборной городской властью и будут потом так же народ примучивать. Хотя не должны бы. Нет в них того кровавого и разбойного, злого духа. Все-таки больше воинской закваски эти люди, хотя и тоже весьма лихие. По кончанским старостам понятно. Они, каждый на своей части города, дела ведут и перед его населением свой ответ держат, да еще и представляют на господнем совете. Умные, заматеревшие и опытные хозяйственники. И свое они, конечно же, не упустят, но и о народе вроде как думать должны. Только вот время им непростое выпало, очень лихое время».

– Да, а что делать-то? – Кузьма Ярилович облизал большую деревянную ложку и положил ее, перевернутую, аккуратно на стол. – Пожары на своих концах мы к этому часу затушили. Скоро их и на Людином тоже зальют. Будем понемногу поправлять все. Поручено нынче очень много! Спасибо твоей дружине, Андрей Иванович, ударили дружно вы с трех концов. Не дали все разорить да пожечь разбойникам. На господнем совете мы за вас благодарность отдельно скажем. Князьи-то сотни и дружинка посадника даже и не вышли ведь из-за стен! Так и сидят

до сих пор там и выйти наружу в город бояться! Защитнички, чтоб им пусто было! – И он, крикнув, помотал в сердцах головой.

– На Людином конце как все успокоится, подначим народ, пушай вече собирают и новую старшину для себя выбирают, – продолжил рассказывать ближайшие планы староста с Загородского конца. – А уж мы шепнем кому надо, чтобы хозяйственных да серьезных на это место кричали. Чай и самим нам хорошие соседи там нужны. Всю Софийскую, левобережную сторону, бог даст, обустраивать скоро вместе будем. С голодом бы вот нам только совладать. Припасов совсем ведь нет. Скоро уборочную надо бы вести, а поля-то все одно пустые стоят.

– Выход здесь только один, старосты, это собирать сообща, в складчину ходовой товар, какой еще и где остался, да посылать надежных людей на дальний зерновой закуп. Тут я только три стороны вижу. Это на запад, в германские земли идти, но там сейчас на зерно цена очень высокая стоит, я сам про то очень хорошо знаю. Можно по второму пути на восток направиться. Вышним Волоком по реке Мсте, на Цну и уже далее Тверцой через Торжок на Волжскую Булгарию, в богатые Итильские земли. А можно и далее сплавать в Хвальнское теплое море. Там, в Персии, торг вести и дальним путем пшеницу и сарацинское зерно к себе вывозить. Но проще, пожалуй, будет все же в самой Булгарии закупаться. Можно еще и по Задвинским волокам на Днепр, в южные русские княжества направиться и даже далее в греческие земли. По моим сведениям, недорода там пока не было, и сторговаться для себя вполне даже можно. Время вот только мало нам для такого дальнего похода остается. До ноябрьского ледостава всего-то три месяца и никак не более. Мы вот и сами в поместье поспешать будем, а как ладьи у себя разгрузим, думали, сразу же волжским путем их с частью судовой рати на хлебный закуп отправить. Далекое нам уйти уже не удастся, ибо время сильно поджимает, поэтому только до Булгара, на осеннюю ярмарку нужно идти.

– Так и наши, может быть, захватите с собой, Иванович? – сразу же «включился» хозяйственный староста Неревского конца. – Мы за седмицу бы тут пробежались по всем городским концам, собрали бы побольше меховой рухляди, серебра, да и всего того, что только будет пригодно для мена. И с твоими опытными людьми и своих бы мы ладейных отправили. На посадника с нынешней княжьей властью надежды-то ведь никакой у нас сейчас нет. Самим, похоже, обо всем теперь только думать придется. А у нас, сам знаешь, и из ушкуйников, и из купцов добрые люди есть. Не раз они ранее в те земли ходили, а с твоими воями так и вообще им страшно не будет.

– Хм, – почесал задумчиво лоб Андрей. – Взять-то ваших, конечно, можно, и сторговаться им бы мои тоже помогли, у нас ведь там хорошие связи уже налажены. Да и во многих торговых местах свои люди теперь есть. Опять же, идти большим караваном да от лихих людей отбиваться вместе тоже как бы полегче. Ладно, сделаем тогда мы так, – наконец принял он решение. – Мы завтра же спозаранку уходим к себе в поместье. Оставляем пока здесь, в городище, те три пустых ладьи, зерно из которых забрали себе посадник с тысяцким в качестве своей доли с похода. Ну и еще две своих высвободим, потеснимся маненько, чего уж, ради такого-то дела. Вот на эти-то пять ладей посадим мы человек по тридцать на каждую да и отправим к Волжской Булгарии. Вы же, как только можете скорее, чтобы время не терять, собирайте своих людей и весь товар для закупа, загружаетесь на свои суда да и присоединяетесь к моим. Все вместе они и пойдут по Ильмень озеру до устья реки Мсты, ну и дальше уже по всему этому Вышнему Волокскому пути.

Но это ведь только полдела, старосты. А как зерно потом будете распределять в городе? Вы вспомните, сколько его запасов было ранее? По княжьим и посадским житницам да по амбарам купцов и всяких имущих людей ведь тысячи его пудов лежало! И надолго ли его тогда городу хватило? Все ведь пожгли гораздо более, чем для еды вынесли! А с этим теперь тоже, не случится ли такое?

– Ну уж неет! – хором заголосили новгородцы. – Теперь-то как зеницу ока мы будем его охранять. Хватило уже нам той науки. Обожглись!

– Ну, смотрите сами, – кивнул Андрей. – Значит, как и договаривались, мои пять ладей ждут ваш караван не больше седмицы. Коли он от вас не пойдёт, то на восьмой день они и сами одни в дальний поход направятся. Сами понимаете, дольше ждать вас они уже не смогут, осень, господа старосты, стоит на пороге. Коли лед воду прихватит, так не будет тогда нашим ладьям по реке хода. Только и вывозить потом из вмерзших в него судов все санями.

На том и порешили. А утром, спозаранку, та часть бригады, что добиралась к себе в усадьбу водным путем, отошла от пристани Рюрикова городища и сразу же оказалась на просторах Ильмень озера. Дальше ей нужно было пройти реку Полу и уже затем, свернув на восход солнца, по реке Поломети догрести против течения до родной Ямницы. А на малой пристани Городища осталось пять ладей, нагруженных частью добычи с похода и нужной для мена и для зернового закупа.

– Счастливо вам, братцы! – крикнул Сотник. – Удачного похода вам, Варун Фотич!

Рядом с другом у кормы стояла неразлучная пятерка выпускного курса ратной школы.

– Смотри у меня, Митька! – погрозил ему кулаком отец. – Вы, стрелки, далеко от дядьки и от этих ладей чтобы не отходили!

– Ладно, бать, ты не переживай, все будет хорошо! – сделав ладони лодочкой, выкрикнул ему в ответ паренек. – К ледоставу домой жди! Всем сродственникам и Ладушке привет!

– Не переживай, – проворчал Сотник. – Посмотрим, как ты сам будешь за своих чад беспокоиться. Вона уже какой лось вымахал, что ты, семнадцать годков ведь недавно исполнилось, самостоятельный!

Глава 4. Дела хозяйские

Конная часть бригады дошла до дома на девять дней раньше ладейной. В усадьбе в это время полным ходом шла уборочная страда. Зная наперед о предстоящей непогоде, все работали в поте лица.

– Всем вновь прибывшим три дня отдыха, а затем в поля! – был приказ комбрига.

Опыта в таких работах всем было уже не занимать. В прошлом году, перед началом затяжных дождей, по всему поместью буквально за пару месяцев успели возвести тока, овины-сушильни и широкие навесы. За этот год добавились еще новые постройки, и о сохранности урожая теперь уже можно было так сильно не переживать.

Дома все было в надлежащем порядке, Марта, несмотря на свою благородную кровь, оказалась прекрасной хозяйкой. С Ладой они быстро нашли общий язык, и соперничества между ними никакого не было. Терем, после переезда в него из избы, казался для приемной дочери Сотника огромным, и дел в нем, несмотря на наличие прислуги, всегда было великое множество. Здесь женщины были полноправными хозяйками. Андрей из дому уходил спозаранку, обедал он обычно в полевом стане или же на дальних воинских полигонах. Так же, как и хозяин, пропадал на своем самострельном участке механического заводика и дед Кузьма. Митяй был в дальнем походе, а подросток Ванятка носился целыми днями с посадскими детьми. На улице всегда было много озорной пацанвы, и прибегал он домой вымазанный с ног до головы. Ленька традиционно пытался за ним увязаться, но женская половина семьи его неизменно перехватывала, а затем возвращала ревущего мальчика обратно и передавала под неусыпный контроль Эммы или Настены.

* * *

– Тебя сегодня опять до самого вечера не ждать? – укоризненно вздохнула герцогиня. – Когда уже с семьей целый день сможешь побыть, Ленька вон как по своему тятеньке соскучился, да и я так-то тоже по своему мужу.

– Ну не обижайся, Мартушка. – Андрей поцеловал любимую в припухлые обиженные губы. – Ты же сама знаешь, какие у нас тут нынче времена. Вот зарядит обложной дождь, как ему время придет, и потом и все дороги сразу же встанут. Обещаю, целыми днями тогда я буду возле тебя в тереме сидеть и, не отрываясь от такой неземной красоты, часами любоваться стану. – И он, прижав к себе, нежно ее обнял.

* * *

– Андрей Иванович, по уборке мы вроде бы как нонче укладываемся, – докладывал главный хозяйственник поместья Парфен. – Все озимое мы в этот раз уже загодя скосили. Колос хорошо в это лето свою восковую спелость набрал. Работники высушили и уже обмолотили со снопов все зерно, и даже заложить его в амбары на хранение успели. Так же у нас и с горохом удачно получилось. А сейчас вот к уборке яровых приступили. Сначала мы ячмень с рожью жнем да на обмолот его, на гумна свозим, а совсем скоро и за пшеницу тоже возьмемся. Овес немного пока подождет. Ну а с новыми культурами я уж даже и не знаю, как нам теперича быть. – И он развел руками. – Кукурузе с подсолнечником дозреть бы еще, конечно, нужно. Да и картофель у нас пока в рядах мелковатый. Еще бы две седмицы всему этому доспеть, и тогда совсем бы хорошо было. – И он внимательно взглянул на Сотника.

– Не знаю, Васильевич, не знаю я, – покачал тот в сомненье головой. – Есть ли у нас эти самые две седмицы? Я ведь точных сроков начала непогоды не ведаю. Знаю только, что примерно в середине сентября ее нужно будет ждать, тогда, когда самая уборочная страда здесь проходит. Ты уж извини меня, коли ведал бы, так все бы давно вам сказал.

– Ну да, – вздохнул Парфен. – Выходит, что нет у нас того запаса времени. До середины сентября месяца, сейчас всего-то лишь одна седмица времени осталась. Получается, надобно нам всем людям говорить, чтобы они за все и сразу бы брались. Народу вот только, чтобы разом все это охватить, нам все одно не хватает. И так ведь всех тех, кто пришел к нам в эту зиму и кого мы у себя отогрели, к уборке урожая уже приставили. Работают они, рук своих не покладают. Натерпелись ведь с голодухи, теперь им такой труд вообще в радость. И все равно нам до непогоды не успеть.

– Ничего, те пять сотен, что ладейным путем в поместье пришли, все уже в работу включились. – Андрей оглянулся, кивая на шагающий по проселку строй с косами и граблями. – Школа вместо ратных занятий на поля в полном составе вышла, а с завтрашнего дня так и все ремесленные, кроме самострельщиков, к тебе тоже на помощь подтянутся. Как-нибудь уж справимся сообща. Многие овощи пока с уборкой подождут, чай уж не прихватит их сразу морозом. Самое главное – это зерновые, Васильевич. Мы ведь на одном привозном здесь долго не вытянем. Все свое нам нужно будет прибрать.

– Ну вот, а целых полторы сотни работников за тем чужим зерном водным путем ушли, – проворчал главный хозяйственник Андреевского. – Ох, как бы они нам тут пригодились!

– Надо, Парфен, так надо было, не ворчи, – усмехнулся Сотник. – Сам понимаешь, если у нас с закупом в Булгарии все получится, то каким это подспорьем для нас тогда будет! На два голодных года точно этого зерна с нашим, посадским, тогда уже точно хватит. Да и новгородцам помочь тоже ведь не грех. Сам ведь знаешь, какой там сейчас лютый голод стоит.

На хорошо набитую дорогу, на телеге, запряженной кобылой, выехал с бокового проселка Архип. – Андрей Иванович, Парфен Васильевич, садитесь ко мне, чего вы там пехом топаете? А ну, кыш отсель! – махнул он рукой, и сидящие рядом сыновья слетели с телеги воробьями и побежали с ней рядом.

– Сам-то ты куда едешь, Матвееич? – поинтересовался у крестьянина Сотник.

– Дык ведь третий день уже мы соседу Первуше Кривому помогаем. Вот и косы с граблями туды с собою везем, – постукал он по выступающим из сена черенкам. – У себя-то все срочное мы уже сделали. Зерновой надел у меня в Лосиной пади совсем ведь небольшой, все больше овощами мы сейчас занимаемся. А у псковских там работы непочатый край. Хотя и мужиков у них много, а вот же... Только что с озимыми там управились, а сегодня за яровой ячмень уже всем миром возьмемся.

– Овощ-то как, в это лето уродился ли, Архип? – поинтересовался Андрей. – Семян в достатке у вас было? Помнится мне, жаловался ведь ты, что инвентаря на росчище мало, кадок под поливку и засолку совсем почти нет, да и со скотиной вовсе беда?

– Да нет, Андрей Иванович, – покачал головой мужик. – Грех жаловаться теперь. Парфен Васильевич еще одну лошадку по весне мне выделил. Жеребую привели. Ну я ее, пока сосунок есть, конечно, не гоняю. Для тяжелых работ и старой лошадки мне вполне хватает. А так, слава богу, в хозяйстве моем всего в полном достатке. Лук да чеснок мы заготовили, огурчики из новых семян на засолку заложили. Зелени вот много летом было. Раннюю капусту, и ту давно уже срезали. Теперь ждем срок, когда можно будет на зиму репу с редькой и морковь убирать. Да и позднюю капусту тоже нам пока еще рано резать. Для них ведь и морозец не будет страшным, горечь уйдет, а сам овощ гораздо слаще станет. Из новых растений я в этом году томатусы, кукурузику, цветок подсолнечный, перец жгучий и еще эту, картофлю посадил. Пока вон в теплицах усадьбы эту зиму поработал, присмотрелся там к ним, ко всем новым

овощам. Вот недавно, еще на той седмице, земляное яблоко-картофлю в гряде подкапывал, судя по всему, его уже совсем скоро можно будет собирать.

– Ну и как тебе самому-то эти новые огородные культуры? – поинтересовался Андрей.

– Томатусы я не распробовал пока, – пожал плечами Архип. – Вкус, канешно, у них очень антересный. Моей вот бабе он даже понравился. А вот картофля, та скусная, особенно если ее с топленным маслицем сдобрить да еще и подсолить хорошо. Это как твоя дочка, Иваныч, делала, когда ты меня ей в первый раз у себя угостил. Я вот так же теперь свою хозяйку научил ее стряпать. Кукурузику и подсолнечный цветок я еще и сам не распробовал. Рано его пока собирать, зреть бы еще да зреть в поле. Хотя ребяшня уже тот цветок срывала да семена с него, словно белки, сгрызла. Там, в поместье, когда я в теплицах работал, мне зимой его давали немного, но я уже, честно говоря, и не помню того вкуса. А вот перец – это огоонь! Вот эта приправа, всем приправам приправа! – в восхищении зацокал он языком. – Самой малой щепоточки хватает на целый горшок, чтобы там весь вкус сдобрить! Теперяча-то все кушанья не будут у нас пресными. Не зря же его поместные хозяйки на всех своих подоконниках ноне выставили. И красиво в избе, и прибыток семье какой-никакой, а все же есть. Но у меня-то самого его уродилось на грядках ох и много! Это же не малый, избянный подоконник, а хорошо удобренная и ухоженная земля! Вот хоть у Парфен Васильевича спросите, я ему намедни аж два мешка сушеных стручков для мелкого помола отгрузил.

– Было дело, – кивнул управляющий. – У меня на этот перец сразу несколько заказчиков с немецких земель есть. Драться будут друг с другом, чтобы только себе его получить. Через некрупное сито мы тот помол пропускаем по пять раз, лишь бы туда ненароком никакое семя не попало. Нам ведь соперники в чужих землях не нужны, пусть у нас здесь по доброй цене все пока закупают!

– Ну да, конкуренция, – пробормотал Сотник. – Говорю – правильно делаете вы, Васильевич. Понятно, что рано или поздно и к ним те семена в руки попадут. Но вот спешить с этим нам точно не нужно. А я еще подскажу Варуну, чтобы он повнимательней приглядывал у нас за иноземцами. Чую, рано или поздно будут от них попытки семена с наших новых культур получить или вообще всякие производственные хитрости и ремесленные наработки из поместья выкрасть. Ладно бы русские люди были, им-то мы все равно это откроем со временем, как только у себя здесь освоим. А вот иноземцам пока все это ни к чему. У них вот ты попробуй секреты любой ремесленной гильдии вызнать. Так тут же прирежут в какой-нибудь темной и грязной подворотне.

– Мельница-то водяная хорошо ли работает? Про перец я слышал, вы вон мелко его перемололи, а зерно и все прочее как, пробовали?

– Дык, Иванович, уже почитай, что с месяц как она работает, – ответил управляющий. – А совсем скоро и первая лесопилка тоже начнет. Плотницких-то мы освободили от уборочной, они нам все навесы да овины подправили и теперь вот у плотины уже возятся. Что-то там у Луки пока не заладилось. Бегают там с заводскими вокруг вала с колесом, копошатся да бранятся. У нас-то все сразу почти что на мельницы сладилось. Жернова, как только первый мешок крупно перемололи, они чевой-то там еще немного подделали, подкрутили, и теперича мука уже хорошая выходит, а можно ее и на самый мелкий помол настроить, только, конечно, подольше так выходит, и несколько раз приходится все пропускать.

– Вот я к ним туда на плотину и хотел опосля полей сегодня дойти, – кивнул Андрей. – Самому мне интересно поглядеть, что там и как получилось. Когда по весне мы в поход уехали, дел там было еще непочатый край. А сейчас, гляди-ка, уже вон и муку из зерна вы мелите, и даже этот жгучий, горький перец.

На полях псковских братьев работала уже вся взрослая половина хутора. Первуша, Вторак, Третьяк и Четверак косили яровой ячмень новыми, выданными им из поместья косами. В начале по привычке все жали серпами, но, распробовав с прошлого года удобную косу, к ним

теперь прибежали только лишь, чтобы снимать полегший колос. Косой же работа в поле шла во много раз быстрее. Были они сработаны наподобие «литовок» с длинным лезвием – «ножом» – и двумя ручками на ручке-косовище, предназначенными для удобного захвата.

– Бог в помощь, честные работники! – крикнул Андрей, спрыгивая с телеги. – Принимайте помощников. Вон их за нами сколько идет! – И махнул рукой за спину.

От опушки по лесной дороге тянулась большая сотня дружинных.

– Дык, а куда нам столько-то? – почесал голову самый старший из братьев. – Чать, и трех десятков за глаза бы хватило?

– Какие там три десятка?! – всполошился Парфен. – Тебе сюда и двух хватит, Первак! Губы раскатал! Все остальные дальше по другим рощицам пойдут! Вот все вы, пскопские, такие хапуги! Только бы к себе вам все тянуть!

– Да я-то чаво, Парфен Васильевич! Ну два так два! – развел руками крестьянин. – Все равно ведь они косою работать не умеют. На подхвате тут у нас пока будут. А ну пошли, робяты! – кивнул он своим братьям. – Надо за сегодня всю эту поляну нам прибрать, а вот завтра за ручей пойдём, ежели, конечно, разогнуть спину сможем.

До обеда Андрей работал на уборке ячменя у Первака, собирая граблями скошенное. Погода стояла добрая, злаки были сухие, и оставлять их в рядах и в валах необходимости пока не было. Бабы, и те, кто умел, из воинских мужей, вязали скошенное в снопы, а потом сносили все и укладывали в копны и стога.

Обед сварили тут же, в поле, в больших воинских котлах. В страду питаться полагалось усиленно. На каждый десяток работников управой было выделено по полтуши барана и по три четверти пуда дробленой пшеницы. Из мякоти с «дробленкой» варили вкусную кашу, а на костях выходила похлебка с луком, морковью и зеленью. Хуторские принесли свежиспеченные караваи хлеба, молока и овощей. Сели обедать все вместе, в складчину.

Немного передохнув, Андрей отправился в сторону недалекой речки Дубенки. Именно ее перегородили в прошлом году плотиной, а в этом уже построили здесь мельницу и лесопилку. Дубенка была небольшим притоком Ямницы, вливаясь в нее верстах в пяти от устья с большой Полометью.

– Ну что, Лука Мефодыч, трудности есть какие с лесопилкой? – поинтересовался у главного зодчего по дереву Сотник. – Мельница, вон как Парфен Васильевич хвастается, уже сотню пудов пшеницы смолола, а с распилом древесины у вас все никак не ладится.

– Балабол он, этот Васильевич, – выругался усталый Тесло, вытирая ветошью свои грязные руки. И чего вот похваляется? Ну, сработали мы ему мельницу в первую очередь, все ведь свои силы на нее бросили. Знаем же, что о хлебе насущном, о первую голову всем нужно думать. Сейчас вот еще немного, и лесопилка наша тоже заработает. Глянешь, Андрей Иванович?

– Конечно, гляну, что я, зря столько верст сюда топал? – кивнул Сотник, заходя на плотину.

Перегородив речку в самом удобном для этого месте, она создала такой нужный перепад уровней. С верхней запруды поток воды, пробегая по большому желобу, падал на лопатки колеса, вращая его и передавая энергию этой падающей воды в энергию вращательного движения на железную ось. С оси, посредством зубчатых передач и валов, отобранная человеком энергия затем вращала жернова на мельнице и должна была так же вращать еще и круглую, плоскую, остро заточенную пилу.

– Второе колесо мы уже поставили, вот оно, в трех сажнях от первого, стоит. Еще загодя же эдакую конструкцию задумали, – объяснял Лука. – Как только направляющие столы и козлы обустроим для лесопильни, так сразу откроем второй желоб и запустим на него воду. Вал с колеса передаст вращение круглой пиле, а там, на станинах, мы будем вначале обрезать бревно. Обрезанный горбыль потом убираем в сторону и получаем хороший, ровный брус. Затем ста-

вим его в специальные клиновые зажимы и распускаем на доски такой толщины, какой нам и нужно. Немного совсем нам осталось. Вот козлы уже под бревна есть, столы с валиками для направления на пилу мы уже тоже почти что доделали. Еще пару дней вот здесь повозимся, и лесопильня начнет свою работу. С пилой вот много времени потеряли. Пока нам ее Кузьма на заводике под нужный размер сделал, да пока хорошо заточил... Ааа, – махнул Тесло рукой, – да много каких трудностей там было, что уж тут перечислять, дело это совсем новое для нас. Хочется уже своими руками те досочки потрогать, пощупать, что у нас на выходе получится. Это сколько же времени и сил на нее одну уходит, чтобы вручную обрезать или теми же клиньями расщепить. Весь в поту будешь, пока эдак сработаешь. А тут за тебя вода всю главную работу делает, а ты знай себе подавай, как там надо, под пилу это бревно.

– То ли еще будет, Мефодьич, – подмигнул ему Андрей. – На следующий год мы еще одной плотиной Лосиный ручей перегордим. А там будем под кузнецов водяное колесо ставить. Вся энергия падения воды уйдет на ковку железа огромным молотом и на прокачку воздуха большими мехами. Ну и тебе вторую лесопилку рядом поставим. А на прудах тех будет детвора купаться и карася из них удить.

– Ндаа, а работы-то у нас наперед – непочатый край, – покачал головой Тесло.

– А как ты хотел, старый, – усмехнулся Сотник. – Вся жизнь – движение, путь, исканье! Ничего, вот зимой на печке бока греть будешь, ежели тебе, конечно, такое твоя Фекла позволит! – И пошел взглянуть на работу мельников.

– Ага, конечно, полежишь, пожалуй, с тобой, – проворчал про себя Тесло. – У тебя и зимой, как обычно, какая-нибудь срочная работа, а все одно ведь найдется.

* * *

Тринадцатого сентября небо с западной стороны пылало алым ярким закатом.

– К ветрам! – хмурились седые ветераны.

– У меня вон уже второй день кости ломит, – жаловался Варуну Кузьмич.

– Да и у меня старые раны тоже ноют, – признался Фотич, поглядывая в сторону заходящего солнца.

Четырнадцатого сентября налетел сильный порывистый ветер, который разметывал скирды и стога на покосах, вырывал солому с крыш изб и даже завалил несколько больших навесов. В полях полегли все неубранные злаковые, посева подсолнечника и кукурузы. Затем разом и резко похолодало, а на следующий день ударил самый настоящий лютый мороз. С хмурого, по-зимнему низкого неба сыпалась ледяная крупа, покрывшая вскоре землю по самую щиколотку.

Как и в прошлом году, все людские силы поместья были брошены на то, чтобы спасти урожай. Серпами скашивались полегшие зерновые. Затем все связывалось в снопы, грузилось на телеги и отправлялось для дальнейшей сушки. Топились печи в овинах под приглядом малышей и баб. Все сейчас были при деле. На время встал даже механический завод, а все его работники ушли в поля. Прибрав зерновые, сразу же, без передышки, взялись за уборку картофеля и прочих овощных культур.

– Ладно, мы-то большую часть урожая еще до непогоды прибрали. А вот как же в других местах народ? – сетовали люди. – И так ведь мало кто чего посеял на Новгородчине. Так и того, что сеял, теперь он уже точно не соберет. Эх, быть худу!

Шел второй год великого голода на Северной Руси.

Глава 5. В Болгарию

Полтора десятка ладей шли по реке Мста в ее верховья. Вышний Новгородский волок был дорогой долгой и трудной. Собственно самих волоков здесь было два – это «большой нижний» и «верхний». На «нижнем», длинном волоке, приходилось обходить цепочку порогов реки Мста стороной, по нескольким малым рекам и по цепочке озер. Общая длина всего этого волока была более шести десятков верст. Работали тут, как и везде, волоковые артели, заключающие ряд за проводку каждой ладьи. Обойдя длинные пороги, далее караван зашел на реку Цна и догреб до того места, где и проходил водораздел между волжской – южной водной системой и северной – балтийской. Теперь ему нужно было преодолеть десять верст по «верхнему» волоку от Цны до речки Тверцы, и уже дальше, проходя по ней мимо древнего города Торжок, караван попадал возле Твери в самую Волгу.

Небо сыпало мелкой ледяной крупой, которая оседала на палубе и на парусах. Было зябко. Все облачились в длинные меховые одежды, но на большой воде ветер находил в них щели и охлаждал тело.

– Худо! Ох и худо, – ворчали на ладьях воины и новгородский люд, поглядывая на небо. Просвета вверху не видно, значит, опять, и в этот год наша земля зерна крестьянам не даст!

В Торжке остановились на два дня. Нужно было немного отдохнуть и починить суда после длинной волоковой проводки.

Митяю город нравился. Был он старинным, основанным новгородскими купцами более двух веков назад на этих древних торговых путях. Высились в нем маковки многочисленных церквей. Всюду на улицах была деревянная мостовая, а возле детинца она была даже вымощена камнем. Но самым главным здесь был торг. Не зря же и сам город получил тут такое характерное название. Мужское население в нем традиционно занималось портняжным, сапожным и кузнечным делом, но более всего он славился своими мастерицами вышивальщицами. Ремесло кружевного шитья золотом, серебром и шелком по сафьяну и бархату процветало здесь уже более века. Не зря же его рукодельницы украшали своей золотой вышивкой парадные одежды многих русских князей, а также церковные облачения и одежды митрополитов. Их работы отличались разнообразием узоров, где кроме растительных орнаментов изображались птицы и животные. Торжокская вышивка неизменно пользовалась огромным спросом далеко за пределами Руси. Приезжие из многих русских княжеств и иноземцы приобретали здесь пояса, шапки, скатерти, полотенца и праздничную, выходную одежду. Митяй отчаянно торговался и сумел-таки купить роскошный платок для Лады. Восемь кун! Стоимость прекрасного булатного кинжала в отделанных кожаных ножнах была его цена! Но оно того явно стоило! Платок аж горел и переливался золотом в руках у парня.

– Вот будет подарок так подарок! – восхищенно цокал языком Маратка и, почесав голову, достал кошель, пересчитывая в нем свои богатства. – Уважаемый, а есть у тебя еще такой же, ну или немного другой, но чтобы только не хуже? – обратился он к продавцу.

– Давай, давай, выбирай получше, – подмигнул другу Митяй. – Акулинка-то небось разбирается в такой вот красоте. Как-никак и сама из суконного купечества родом будет. Коли не угодишь – так и на лавочку рядом не сядешь! – И отскочил, чуть не поймав тычок от берендея.

Приказчик Путяты Зосим вместе с бригадным хозяйственником Жданом за эти два дня отдыха пробежались по купцам на торге, всюду прицениваясь. Часть битой брони андреевцев и товары новгородцев они сбывли здесь, проведя мен на местные. И вот, наконец, караван пошел по реке дальше. Миновали Тверь, Кимры, Ярославль и Кострому. Впереди был Городец и Волжский Новый город. За ним русская земля заканчивалась, а до Болгарии оставалось еще пара сотен верст беспокойного пути. Той непогоды, что пришла на земли Северной Руси, тут уже не было. По ночам, конечно, было прохладно, и гребцы с удовольствием брались за весла.

– Хватит, силы поберегите, – ворчал Варун, оглядывая заросшие густым лесом берега. Ладьи шли ходко, толкало их сейчас течение, да и парус давал им хорошее ускорение.

За Окой по правую руку начинались земли мокшы и эрзян – мордовских племенных союзов, а по левую была земля черемисов. Эти народы, находясь между сильными русскими княжествами и Волжской Булгарией, были воинственными и стремились к независимости. Они часто совершали набеги на соседей и отражали их на своей земле. Не против они были и поживиться добром проходящих по реке купцов. Плавать в одиночку здесь мало кто решался. Все старались сбиться в большие караваны, чтобы можно было совместно отбиться от нападения. От Городца и Волжского Нижнего Новгорода к отряду присоединилось еще более дюжины судов, и теперь можно было идти всем вместе вполне себе уверенно. Две ночи этого пути прошли спокойно. Видели на берегах людей и дымы от селений, юркие долбленки местных рыбаков вертелись у многочисленных, заросших камышами островов. Все было пока мирно и спокойно. Однако сторожевую службу на ночевках русичи несли строго.

– Будете зевать, мигом лесовик ножом глотку от уха до уха вскроет, а потом так тихо с собой утащит, что такой же, как и ты, бестолковый товарищ даже и шороха от него не услышит, – напутствовал караульную смену старший новгородской охраны Филлип. – Я на этих берегах не один десяток своих людей уже потерял, чай уж знаю, о чем толкую! Глядеть в оба, слушать и постоянно, словно лесной зверь воздух нюхать! Особым духом ли, запахом какой травы на вас повеет или вдруг птица в кустах пискнет – все себе на заметку берите! – поучал битый и тертый волчара караульных.

– Он правду говорит, – кивал Родька, ведя свой десяток от костров в чащу. – Мы вот так же против еми травками натирались, чтобы человеческий запах напрочь ими отбить. Травка – она ведь тоже разная бывает, какая пряным запахом пахнет, а какая сладостью или кислинкой. А ведь у любого лесного места свой родной, устоявшийся уже запах есть. Вот вы все это и примечайте!

Митяй с Маратом попали во вторую дозорную пятерку. С ними были пластун Лютень и новгородцы: молодой Тишка с заматеревшим дядькой Анкудином. Место для тайного наблюдения им выпало возле ручья и небольшого, неглубокого овражка. До костров отсюда было шагов двести, и они виднелись красными отблесками среди деревьев.

Лютень забрался наверх раскидистого дуба, а под ним устроились Митяй с Маратом. Новгородцы же отошли шагов на десять в сторону ручья и залегли там, в густых кустах.

Время тянулось медленно. К полуночи сильно похолодало. Луна подсвечивала вокруг все таинственным светом, но вот и она спряталась за тучи, и стало так темно, что вытяни ты вперед руку, и даже пальцы на ней невозможно было различить.

Ребята сидели плечо к плечу, вслушиваясь в лес. Им, прошедшим суровую ратную школу и науку войны в лесу, был понятен сейчас каждый шорох и скрип. Вот раздалось шуршание, стукнула о ветку ветка, а потом пискнуламышь. «Куница спрыгнула и поймала свою добычу, – подумал Митяй. – А это что?» – и он напрягся, сжимая в руке швырковое копье.

Так же, как и он, приготовился сейчас к бою и Маратка. «Уф, вот ведь напугал, – он расслабился, различив характерное пофыркивание и еле слышный стук маленьких лапок. – Колючий охотник вышел на поиски добычи. Ага, вот даже и его характерным запахом повеяло. Так, а это что?» Слева, со стороны ручья, раздался далекий шорох и приглушенное бормотание.

Ох, и остолбени! Ну кто же так дозорную службу-то несет?! Вот уже какой раз за эту ночь, от того места, где засели новгородцы, слышалась негромкая возня и шепот. Возможно, это и спасло весь дозор, забирая на себя все внимание у нападающих. Три ели различимые тени вдруг вынырнули из темноты и совершенно бесшумно, на расстоянии длины копья, проскользнули мимо того дерева, под которым сейчас сидели ребята.

Ших! Стрела сверху ударила переднюю, а в две остальные уже летели метательные сулицы парней. Одна из них точно попала в цель, и лес огласил резкий вскрик. Тело натре-

нированным движением ушло в сторону от дуба, а в то место, где только что сидел Митяй, с глухим стуком ударило копьё.

– Тревога! – Лютень, прыгивая на землю, перекатился за соседнее дерево и послал свою вторую стрелу в тот куст, откуда только что в него бил лесной стрелок. Сразу три оперенных смерти свистнули и впились в то дерево, за которым он схоронился.

– Уходим, братцы! – Он метнулся за следующий ствол, затем еще за один, стараясь не оставаться на одном месте. Отстреливаться было нельзя. Стоило только открыться на секунду, и в тебя тут же летели стрелы.

А на стоянке в это время уже готовились к бою. Сложенные загодя на расстоянии костры, пролитые березовым скипидаром, ярко вспыхнули от зажигательных стрел. Все подступы теперь были видны как на ладони. И в выбегающие из лесной чащи вслед за караульными серые фигурки ударил слаженный залп из сотен самострелов и луков.

Лесники, потеряв разом несколько десятков своих людей, ближнего боя с ошестинившейся копьями и прикрывшейся щитами ратью не приняли, и быстро подобрал своих раненых, скрылись в лесу. Через пару часов рассвело, и пластуны наконец-то смогли осмотреть лес. В нем все было спокойно и никого из чужих уже не было.

– Сидящими резали, а потом уже на себе их выносили. Вот сколько здесь крови в одном месте натекло, а вон еще на тех кустах, – показывал кровавый след Митяю с Маратом Родька. – А вот, сами глядите, и две дорожки с каплями в самую чашу пошли. Все, как дядька Филипп нам давеча сказывал. Вы что, вообще их в лесу не почуяли, что ли? Ну как так-то? – удивленно покачал он головой.

– Да не почуяли, не почуяли, и я их даже не почуял! Хорошие это лесовики, уж мне-то ты можешь поверить? – оправдал молодых воинов Лютень. – Я ведь тоже только что этих наших двоих слышал, как они в кустах там шевелятся, а эти под самым деревом проскользнули, неслышно так, словно бы тени. Ну я первого-то стрелой сбил и вроде еще Митяй в самого крайнего своей сулицей тоже попал. Ну а тут уже стрелы густо посыпались, я еле-еле с дерева успел прыгнуть и перекатом за большой ствол ушел. Коли бы замедлился, прямо там бы меня и пришилили, за ноги да за руки, где никакой защитной кольчуги нет. – И он показал на надорванный в двух местах кафтан, под которым блестели стальные кольца. – Теперь вот синячищи с кулак, поди, будут. Ладно хоть плетень на ней крепкое, но на таком ведь коротком расстоянии даже и лесной лук с граненой стрелой будет опасен.

Филипп с Варуном и Саватеем осматривали в это время найденное, пробитое самострельным болтом тело.

– Из тюрюхан, похоже, вон, видишь на одежке обережные знаки какие? – показал на отворот нижний рубахи убитого Фотич. – У шокши вроде как больше крестом там вышито, с эдакими поперечинками на концах.

– Ну не знаю, а по мне так это мокша, – покачал головой Филипп. – Да эрзяне, они обычно ведь выше озоруют, и чаво вот здесь полезли? Видели же сами, что сильный караван с большой воинской защитой идет.

– Да кто их знает, может, на удачу свою понадеялись? – предположил Саватей. – Думали, срежут в нем дозоры втихую. Ударят потом разом по караульным у костров. Поколют кого-нибудь из паникующих на берегу, да глядишь, и отобьют хотя бы несколько ладей, когда все остальные спешно уходить рекою будут. Бывало же такое, и не раз ведь уже.

– Ну да, вполне может быть, – согласился Варун. – Для них ведь и пара ладей – это такое баснословное богатство! Они тут не избалованные в этих лесах. Но десятка три мы их здесь точно положили, теперь и все остальные осторожнее будут. Ну и наших, конечно, двое легло...

– Это даа, – вздохнул Филипп. – А нам ведь еще и обратно идти. К зиме они тут всегда злые бывают. Перед холодами и снегом в большие отряды сбиваются, болгар и наших городецких щиплют. Да и между собой тоже собачатся.

– Побережо-омся, – кивнул Варун, оглядывая лагерь. – Ждан Невзорович, сворачивайтесь! И так целый час мы тут уже потеряли. На веслах теперича будем его догонять!

За Ветлугой Волга начала забирать южнее. Следующую ночь караван переночевал на большом острове, сильно сторожась. В этих местах уже озоровали черемисы, и нужно было сильно беречься.

– По левому берегу, Варун Фотич, село крепенькое с валом и высоким тыном будет, – рассказывал Филипп. – Там как бы пограничные земли между черемисами и булгарами начинаются. А село то доброе, я с него старосту хорошо знаю, часто мы там раньше свои караваны ставили. Поляна в нем гостевая у самой пристаньки очень удобная. Местные и с дровами, и со съестным нам помогут, так-то не жадный здесь народ. Ну, заплатишь ты, конечно, с каждой ладьи, но так только, по паре векш, чего уж там, зато спокойно и сытно будет.

– Будем ночевать в нем, – решил Варун. – Потом пять дней хода, и мы уже на месте.

Село открылось из-за речного поворота. Стояло оно в удобном заливчике с медленным течением. На берегу пристань, сбитая из крепких бревен, а вокруг нее была огромная поляна с выложенными большими булыжниками костровищами.

– Эй, Бикташ! Приветишь старых знакомцев, не забыл ли меня?! – выкрикнул на чужом языке с первой ладьи старший новгородской охраны.

– Эгей, Филипп! Как тебя можно забыть, дорогой?! – ответил на хорошем русском болгарский староста. – Приветим, почему бы не приветить доброго гостя. Два года тебя не было видно. Почему так долго мимо не ходил? – И он, обернувшись к сопровождавшим его вооруженным воинам, отдал им какое-то распоряжение. Те внимательно выслушали, поклонились и побежали в сторону села. А с него в сторону пристани уже спешили пара десятков мужчин. Местные сноровисто приняли концы и, подтащив к пристани первую ладью, накрепко скрепили толстые пеньковые причальные канаты.

Филипп, спрыгнув на деревянный настил, крепко обнялся с болгариним.

– Непокойно на реке нынче, Бикташ. Лесные люди на правом берегу озоровали. Двоих людей на прошлой стоянке мы потеряли, – рассказывал ему Филипп. – То ли из мокшы, то ли из эзрян-шокша, непонятно. Вот думали, у тебя лучше остановиться, здесь-то спокойно, никто просто так сюда не сунется. – И кивнул на село, больше похожее на небольшую деревянную крепость. Вал, ров, высокий бревенчатый частокол с крытым настилом для верхнего боя, крепкие дубовые ворота. Все это давало уверенность и спокойствие.

– Ох, не знаю, Филипп, не знаю, – покачал головой староста. – Время-то нынче неспокойное. Хан после Калки с вашими князьями совсем замирился, вроде как сначала тихо вокруг стало, так на нас теперь черемисы начали набегать. Три года у них там между собой большой раздрай шел, видно, племенная старшина верховную власть делила. А потом они на наши земли стали заходить. Лесные борти посбивали, а месяц назад от стада скота целую треть отбили и в лес увели. Мы было, за ними тогда вдогон пустились. Но они нас в засаду завели. Хорошо, у нас три десятка настоящих воинов с собой было, приняли они набегников на свои сабли и мечи, вот только благодаря ним мы тогда насилу отбились. А все же пару дюжин людей потеряли. – И Бикташ огорченно покачал головой. – Ну да ладно, ладно, дорогой, что мы все о грустном. Ты наши правила знаешь, сейчас люди принесут вам дров. Воду вы можете и с реки брать, но лучше все же с ручья. Мы и сами для приготовления пищи с него к себе носим, хотя и в самом селе колодцы вырыты. Хорошая в нем водица, добрая. Подумай, Филипп, сколько вам птицы и убоины нужно? Я распоряжусь – все вам на поляну пригонят. Овощи, рыбу и зерно тоже сюда принесут, может быть, еще чего-нибудь нужно? По цене все так же. По две векши с ладьи, ну а по остальному – там позже посчитаем. Мы вам мешать не будем, располагайтесь пока, костры разжигайте. А как определитесь, сколько вам надо, так подходи ко мне. Тебя в село мои люди пропустят. Но, ты же сам понимаешь, остальным туда хода нет, извини, не мои это правила, а бея. Село ведь наше приграничное, оттого в нем и такие строгости.

– Да, да, Биташ, конечно, я помню все ваши правила, – кивнул Филипп. – Совсем скоро и я у тебя буду.

Вскоре на поляне пылали костры, а на колья-роготули ставили огромные котлы для варки крупы и мяса.

Лютень схватил большое кожаное ведро, намереваясь набрать воды в реке.

– Ты бы лучше к ручью сбегал, вон, местные не зря к нему из самого села ходят, – посоветовал проходящий мимо старший новгородской охраны. – Там спуски удобные и всегда есть ковшики, чтобы зачерпнуть воду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.